

МАРА БЕРЕСЕНЬ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
Некромант

Мара Вересень

Некромантия.

Практическое пособие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68643817

SelfPub; 2023

Аннотация

Есть такая профессия – мертвое поднимать. Только поступая на факультет некромантии, помните: любовь до гроба может значить совсем не то, что вы думаете, мертвецы еще те любители рассказывать сказки, а копать отсюда и до рассвета – реально, если ты практикант штатного некроманта. Ну и что, что ведьма? Половинка темной крови тоже не баран чихнул. А потом случился ОН – мастер-некромант Холин, мой куратор по практике. И понеслось. Гарпии, мертвецы, упыри, призраки, темные ритуалы и та сторона, где живым нет места. И знаете что? Я ненавижу копать.

Содержание

Часть 1. Поющие в шиповнике	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	51
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	70
Глава 14	76
Междуглавие	83
Часть 2. Технология копки упыря.	89
Глава 1	89
Глава 2	95
Глава 3	102
Глава 4	108
Глава 5	115
Глава 6	122

Глава 7	128
Глава 8	133
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Мара Вересень Некромантия. Практическое пособие

Часть 1. Поющие в шиповнике

Глава 1

Я ревела белугой, выла гарпией, орала мартовской кошкой... Короче, издавала поганые звуки, как говаривала кормилица, комментируя способности к пению, коих у меня отродясь не водилось, но папе, конечно, виднее. Он же папа. И старше. И ведьмак. А потому воспитывали меня как полагается, ограничив мое детское стремление к свободе уроками танцев, музыки, пения, этикета, истории и культуры. И то помимо того, что в школе было. Хотя, честно признаться, в школе я отдыхала. Еще у папы были брови. И он ими шевелил! Вот как накосячу, так шевелил, угрожающе и со смыслом. Особенно левой, она у него более подвижная. Зато правый глаз – серый, более строгий. Вот он так на меня и смотрел, когда я на некромантию пошла. Стоял, руки за спину заложив, от греха подальше, глазом серым зыркал и

бровью шевелил угрожающе. Жаль, не послушалась. Четыре курса позади, практика впереди, перспектив никаких. Кроме замужа. Сижу, вою. Пою, то есть... Стараюсь, как могу.

Рулады носились в воздухе, придавая ночи ни с чем не сравнимый колорит панихиды и легкий оттенок жути.

– Ну как такое чудное создание может исторгать из себя такие на диво поганые звуки, – умилялась Тоха, слушая мой очередной урок по вокалу.

Да, умилялась! Кормилица и нянька по совместительству, даром что почтенного возраста гномка была, трепетно любила всяческий неформат и искренно им восторгалась. До глубины всей своей широкой груди. Ручки на пузико складывала, подбородочками подергивала в такт и умилялась. А может ее страдания учителя в душевный трепет приводили и в настроение. Учитель был тощим, как палка, и глаза на выкате, а Тоха тощих не любила. Вот и радовалась, когда он от музицирования моего изнывал и страдал безмерно. Во всяком случае, глаза закатывал очень интригующе.

Вот прям, как я сейчас. Ну, не закатываю, а на лунузираю, она высоко над кладбищем, желтая, как блин и такая же ноздреватая, а я низко. В кустах. Колются. Но пахнут хорошо. Они пахнут, я пою. Из недавнего, нашумевший в магнете хит бойз-бенда «Черепки».

– И молодаяааа не узнаааеэээ, какой у нага был...

Оборвав историю на самом интересном, меня с нездешней силой выволокло из шиповника, не щадя ни голых рук моих,

ни самолюбия.

Нездешняя сила была представлена в образе злющего длинноволосого мужика с мятой физиономией, на которой трогательно отпечатались ручка, пара скрепок и монетка в один чар.

—, — ознакомившись с добытым, сообщили мне.

Я, конечно, подозревала, что не все впадают в благоговейный трепет от моей особы, однако, чтоб вот так... Ни одного печатного слова? Нет, ну, может, я была слегка не в форме. Модное платье цвета глубокий черный и туфли на шпильке на самая удобная одежда, чтоб по шиповникам выть... петь. Но даже девица с листьями в волосах и размазанной по вчерашнему лицу косметикой имеет право хотя бы на приличные предлоги в свой адрес.

Велеречивый, плотненько держа меня за загривок, выудил из кармана мятого черного балахона магфон, рывкнул в него: “Забирайте”, вытряхнул из рукава наручники и, перекрыв пути к отступлению своим туловищем, отработанным движением зафиксировал меня за ограду. В пониже спины интригующе уперлось что-то продолговатое. А потом завибрировало.

— Ой, — сказала я, загадочно кося глазом через плечо, — у вас там шевелится.

Патлатый оставил мой тыл, добыл из глубин еще один магфон, который окрасил его лицо в романтично-голубой. Побуравил гаджет припухшим глазом (вторым он за мной на-

блюдал) и добавил из непечатного. И на меня посмотрел. И вздохнул так, что я сразу устыдилась. На всякий случай. Потом он вздохнул еще раз и меня отстегнул, скучно и буднично. Даже прижиматься не стал, как в первый раз. Не то чтобы я расстроилась, но вдвоем было теплее. Ночка намечалась бодрая, а я вся в вырезах и разрезах. В кустах-то не поддувало, и у меня там уже практически гнездо было. Теплое и обсиженное.

Пока я мечтала о тепле, покинувшие ограду наручники щелкнули на моих запястьях, а любитель экзотического слова настойчиво подтолкнул меня в сторону от шиповника, где в тени кладбищенских ворот притулилась старая, как мир, колымага. Тьма! Да у нее даже колеса!

– Не-не-не, я в это не полезу. Сами убивайтесь, – и уперлась в дерн каблуками. Хорошо вошли, по самые подметки.

На меня укоризненно и устало поглядели оба глаза. По очереди. Я в очередной раз устыдилась и проблеяла про оставленное под сенью шиповника добро – сумку с магфоном, ключами от дома на брелочке-непотеряйке, а так же позором всей жизни – направлением на практику. Именно из-за треклятой бумажки, внезапной любвеобильности своего бывшего, восплававшего жаждой общения, паразита однокурсника и прочих всяких нехороших личностей с улицы я оказалась в кустах у кладбища, а не продолжала упиваться радостным окончанием сессии вместе с другими счастливыми.

Глава 2

– Есть такая профессия – мертвое поднимать, – вдохновенно вещал с кафедры лектор, и я вдохновлялась, но с каждым словом все меньше и меньше.

Через неделю учебы до меня потихоньку начало доходить, во что я ввязалась, но фамильное упрямство и личная дурь мешала признать неправоту, униженно покаяться перед папой и свалить в закат. Или хотя бы на другой факультет перевестись. В первый месяц такая миграция с некрофака, как между собой называли студенты факультет некромантии и нежитиеведения, являлась делом обычным. А потому деканы недобравших кворум непопулярных факультетов “Рунология и ритуалы” и “Бытовая магия” уже заранее потирали ладошки и готовили объятия – ловить разбегающихся недо-некромантов.

Я никуда не сбежала. Но весь первый курс ходила удивленная и недоумевающая от количества вываленного на мою бедную голову гранита. Знаний конечно же. А вы о чем подумали? Пока только теоретических, до практики было, как до Штиверии¹ пешком.

Где романтика тихих ночных кладбищ на изломе лета под

¹ Действие книги происходит в том же мире, что описан в романе Наталии Журавликовой “Магическое вожде(ле)ние без тормозов”. Одобрение автора получено.

бархатным небом в росчерках падающих звезд? Где волнующая песня гарпии над разоренным склепом в глухой деревенской тмутаракани, отдающаяся мурашечной вибрацией в каждой клеточке тела? Где загадочные пыльные подземелья, полные скелетов и изнывающих от смертной скуки одиноких призраков, готовых поведать о тайнах и сокровищах столетней давности? И где, наконец, томные бледные юноши в черных одеждах и нездешней печалью во взглядах?

Ну, скажем, юноши все-таки были, что несколько примирило меня с происходящим. И продолжало примирять все четыре курса.

О, Стефен, темноглазый стервь, выевший мне кусок сердца, годовой запас нервных клеток и полкило мозга своими серыми глазами, непробиваемой упертостью и заумными теориями. Зато, когда его удавалось заткнуть, а делала я это исключительно поцелуями, оторваться от него было невозможно. Жаль, что тоже самое делали еще две-три мои сокурсницы, одна с курса постарше и помощница преподавателя с кафедры философии смерти. Узнала я об активной общественной жизни своего харизматичного возлюбленного не то чтобы быстро, но и недостаточно поздно, чтобы сетовать на вконец загубленную репутацию.

Потом мне не так везло на романы. Возможно, это и к лучшему, поскольку к четвертому курсу мне все еще можно было честно зваться девицей не только по внешнему виду, но и с точки зрения на мораль моего папы. Что вообще-то стран-

но, поскольку ведьмы в плане морали не слишком консервативны, достаточно внешние приличия блюсти, и не макать родителей в лужу прилюдно и слишком часто.

Не сказать, что отсутствие бурной личной жизни как-то положительно сказывалось на качестве обучения, но и в отстающих я не была. Так скучный середнячок. Камнем преткновения являлся один из профильных предметов. Догадайтесь, какой? В яблоко! Некромантия – любовь и боль. Все четыре курса я неизменно валила экзамен и неизменно пересдавала его с третьего раза. То есть, начинала со своей подгруппой, и продолжала сдавать еще с двумя другими. От этого по факультету ходили хохмы, что меня на самом деле трое. Вариант первый – близнецы, вариант второй – я и два голема, вариант третий – меня вообще не нет, я просто по-смертная сущность бродячего типа с незаконченным делом.

Но не все было так плохо, как кажется на первый взгляд. Начертание знаков и фигур прекрасно шло. Глазомер у меня хороший, в отличие от голоса, которого нет. Или, например, нежитеведение, тоже, кстати, профильный предмет. Звезд с неба не хватала, но и упрекнуть было не в чем. По трансформации немертвого “отлично”, а по философии смерти вообще автомат. Тут просто женская солидарность сработала, и у меня первой всегда были свежие методички совершенно бесплатно. Стефен не только меня бросил, но и помощницу преподавателя, причем в один день со мной.

И вот на мой уверенно синий диплом могильной плитой

легло направление на практику в один из участков Управления Магического Надзора. Даже не в Центральный! И в нем мне три месяца, не щадя себя придется доказывать, что я Митика Лукреция Ливиу, практически выпускница Нодлутской Академии Магии (НАМ) факультета некромантии и нежитиеведения имею право называться некромантом-практиком и вести самостоятельную деятельность по призыву, упокоению и обезвреживанию мертвого, немертвого и неживого. А без этого не видать мне диплома, как каменному троллю рассвета. Оступлюсь – у папы уже наверняка готово напутственное родительское слово и кандидат в мужа.

Глава 3

Вернемся к нашим баранам. Вернее, к одному. Тому, который запинаял мое уже порядком подостывшее тело в свой реликтовый колыбан. Цветом к этому времени я напоминала не слишком свежее пособие по некроанатомии, а зубами стучала не хуже голодного гуля. И поскуливала. Правда, не от холода, а от жалости к себе любимой и нелегкой своей судьбе, запятнанной теперь не только позорным распределением, но и предстоящей ночевкой в местном околотке.

– Дяденька магнад! – с чувством заныла я, плечи под форменным балахоном дрогнули, руль дернулся, железный монстр юзом прошелся по ограждению пешеходной зоны, оставляя на столбиках и поперечинах многовековые наслоения краски.

Ввинтившийся в уши звук потряс и ошеломил. Видимо, не только меня, так как мрачный тип дернул пару рычагов, и мы встали. Резко. Я по инерции унеслась вперед и ткнулась носом прямо в оттопыренный локоть возлежащей на рычаге руки.

– Глядь! – одновременно выдали мы, и уставились друг на друга, поразившись внезапному единодушию.

– А может вы меня домой отпустите? – немного гнусаво проговорила я, решив развивать успех. – Раз уж мы стали так близки?

– С какой стати? – ошеломил меня собеседник, выдав членораздельную фразу и всю из приличного, я даже забыла, что хотела сказать, и машинально ответила, как всегда.

– Я больше не буду.

– Хорошо, – согласился он, и я прилегла. Так даже папа не умел. Я про заткнуть меня одним словом. Причем так качественно, что я молчала всю дорогу.

Молчала, когда меня добыли из недр автодинозавра. Подталкиваемая в спину, молча прошла в дверь с загадочной табличкой “Только для”. И тихо встала посреди убогой комнаты с обшарпанным столом, за которым жизнерадостный полурослик готовился вкушать поздний ужин. Или ранний завтрак. Он ласково улыбался разложенным на салфеточке вареным яйцам, четвертушке лука, ломтю черного хлеба и полоске грудинки, на оном возлежащей. А подняв глаза на нас с помятым типом и вообще рождественской звездой воссиял. И заржал конем.

– Холин! – ухохатывался норный житель, смахивая слезы с пухлых щек, – а тебя когда в “Нравы” перевели? И что это за синица в руках?!

Я может и замерзла, но не до такого же состояния! Синицами на некрофаке традиционно звался только что выуженный из морозильника практический материал не первой свежести, имеющий непередаваемый синеватый оттенок.

– Гарпия, – невозмутимо ответил за моей спиной конвоир, – заявка 27-2а, класс опасности, – меня смили при-

пухшим глазами в обрамлении темных кругов дивной глубины, – четвертый.

– Какой четвертый! Гарпии – максимум второй, и то матерые, лет по 15! – встряла я. Экзамены были недавно, и некоторое количество знаний все еще болталось у меня в голове.

– Умная? – предвкушающе поинтересовался поименованный Холином родич панды.

– Нет, – поспешила исправиться я.

На меня посмотрели, как на убогую, и снова обласкали вниманием хоббита.

– Подходмс, хватит жрать, оформляй.

– Сам оформи, – полурослик, набив едой рот, подтолкнул к краю стола засаленную тетрадь.

– Пышко, не наглей, хватит, что я ее сюда волок.

– Так... А чо волок? Мог бы там же на свободу и выпустить, – пробухтел хоббит, однако надкушенное отложил и за тетрадку взялся. – Тааак... 27-2а...

Перо в пухлой ручонке служителя добра и справедливости мерзко скребло по бумаге, вызывая произвольные лицевые конвульсии что у меня, что у моего конвоира, и мы синхронно выдохнули, когда он замер над тетрадью и решил уточнить: – Так... а класс? На четвертый основание нужно.

– Видел бы ты, как она нам казенное транспортное средство отдала. Очень основательно, – на честном глазу выдал помятый и фото в магфоне дежурному под нос сунул. И когда только отснять успел?

Пока я изумлялась своей смертоносности, мне гостеприимно распахнули решетчатую дверцу в “отстойник” – специальное помещение для подозрительных магэлементов, изловленных служителями надзора на улицах славного Нодлута.

– Э-э, Холин, так... раз гарпия, то ее надо того!

– Чего “того”? – снова синхронизировались мы с пандой. Хотя, я сама наверняка, та еще панда. Тушь-то растеклась. И смотримся огранично, и говорим уже хором.

– Так... в магизолятор для особо опасных.

– Слушайте, это все какая-то дичь. Давайте вы меня отпустите и я тихонько домой пойду. До рассвета пару часов, а мне на пра... Надо мне.

– Действительно, Пышко, не перегибай, – заявил Холин, колданул, меня втащило внутрь “отстойника”, а решетка зловеще щелкнула, закрываясь, после чего мой пленитель развернулся и потащился к двери в глубине помещения, сжеживая зевоту в рукав.

– Ты куда?

– Я умер.

– А если...

– Особенно, если!

Дверь закрылась, и воцарившаяся тишина погребла под собой мои надежды на благополучный исход. Я огляделась, нашла в углу умывальник и, стараясь не смотреть на жуткую харю в зеркале над ним, избавилась от остатков косметики. Хорошо хоть сумку не отобрали. Но папе звонить, зна-

чит окончательно похоронить остатки доверия в мою адекватность. Я поерзала на жесткой скамье, вздохнула. Дежурный Подхолмс сжалился и выделил мне одеяло и половину бутерброда. Зажевала тоску, положила сумку под голову, умоталась в колючее и провалилась в тягучий муторный сон. В голове затихающим колокольным набатом звенела странно-знакомая фамилия арестовавшего меня магнадзоровца.

Глава 4

– С мертвым не надо сражаться, надо обезвреживать и ставить на пользу обществу! Распыленный зомби – это впустую потраченный некроматериал и невычищенная улица!

Завкафедрой нежитиеведения и бессменный преподаватель одноименной дисциплины расхаживал вокруг стола, сцепив руки позади и напоминал токующего глухаря. Народ в лекционной аудитории уже потихоньку начинал заниматься кто чем. Полезное для себя мы уже записали, исключения и дополнение к пентаграмме-замку для нежити категории три и выше с доски перерисовали, а любовь к декламации, которой профессор Йорд отдавал свободное до звонка время, за четыре курса уже успела набить оскомину.

– Кривая печать управления – пятно на репутации НАМ! – продолжал разоряться Йорд.

– Что-то его сегодня особенно несет, – печально вздохнул за моей спиной Геттар. От папы сирена темный полужей получил неземной красоты голос, а внешность имел до того специфическую, что дамы, очарованные первым, оборачивались и буквально с ног валились от диссонанса со вторым. По отдельности каждая из черт его лица была прекрасна, но вместе они до того не гармонировали, что Геттар даже в помещении предпочитал драпироваться в капюшон.

– Забей, он на нас свою агитационную речь отрабатыва-

ет, – не отрывая голову от стола отозвалась моя соседка Вельта. – Мама говорила, что Академии от фонда Холина грант выделяют, вот они поперед друг друга будут свои кафедры хвалить и полезность доказывать.

– Какого фонда?

– Дно болота! Мика! Я иногда просто поражаюсь, как ты умудрилась тут до выпуска проучиться, – Вельта вытянула руки, хрустнула косточками, сладко зевнула, обнажив белоснежные клыки идеальной формы, приоткрыла томные вишневые глаза и пояснила, как первокурснице. – Фонд исследований и инноваций в некромантии, создан Ваал знает когда и назван в честь незабвенного Севера Мрака Холина², великого и могучего некроманта прошлого века, чей учебник по материальным основам не-жизни ты с таким упоением пинала ногами не далее чем позавчера.

– А. Ну да. Что-то слышала.

Геттар сзади хохотнул, и у меня по спине мурашки прошли, большие и приятные.

– Один в один твой ответ на экзамене на вопрос, что вы знаете о теории подчинения высших немертвых Холина-Касель, – пророкотал он, наклоняясь ближе.

Теперь уже и Вельта хихикала.

– Будете ржать, сами свою практику по статическим печатям чертить будете.

² Север Мрак Холин, некромант-практик, один из персонажей книги Милены Кушкиной и Наталии Журавликовой “Выбери меня или Бал истинных”

Их хоровые уверения в моей незаменимости и гениальности заглушил звонок и демонические вопли освобожденных от ига занятий студентов. Пара была последняя. Мой живот тоже готов был начать подвывать, ноги тянули в сторону столовой, а Вельта – в противоположную, к деканату, где в просторном холле красовались в рамочках портреты прославленных личностей, так или иначе имевших отношение к НАМ.

– Вот! – заявила подруга и, чтоб я точно рамкой не ошиблась, в золоченую табличку под ней пальцем потыкала.

Видимо, изображенный на магфото импозантный мужчина был даже красив, просто момент для съемки выбрали неудачный. Криво легший свет испортил не только цвет лица. А вот глаза вышли хорошо. Была в них та пресловутая томная загадка и таинственная глубина, свойственная красавцам-некромантам из старых фильмов.

– Может, пойдем уже разбавим духовную пищу чем-то более существенным?

– Где твоя романтичность, Ливиу?

– Пала под гнетом суровой реальности и приближающимся распределением на практику.

– Пусть твой папа пошепчет кому надо. Или он место в городском магистрате для галочки занимает? Мамулик мне, к примеру, уже обеспечила непыльную работенку в архиве Магнадзора. Поперекладываю папочки в тишине и полумраке и диплом мой. А за упырями по сельским кладбищам

пусть бюджетники бегают. Им все равно свое содержание и обучение королевству отрабатывать.

Я тактично промолчала. Никто из приятелей не знал о моих с папой разногласиях по поводу выбранной стези, а также о том, что первые два года обучения я оплатила себе сама из подаренного мамой на “свадебные расходы” счета. Это значительно пошатнуло мой рейтинг на рынке невест, папа резко сделал вид, что уже не так сильно сердит на меня и продолжил финансирование сам. Не без условий, конечно же. Я наступила на горло песне свободы и фамильного упрямства, обещала появляться на всех затеваемых родителем светских раутах и записалась на дополнительные чисто ведьминские факультативы. В моем случае это были травы и эликсиры и общая артефакторика. Последнее вообще без затей, что-то вроде краткого курса для чего нужно, куда кидать и что при этом орать. У меня даже ведьминский жезл был, только я его с собой не носила, а дома приноровилась им спину чесать там, где рукой не доставала.

Устраивать протекции по моей основной специальности папа отказался наотрез, потому ближайшей перспективой была упомянутая беготня за упырями. На распределение я шла на общих основаниях, то бишь по рейтингу успеваемости, и рассчитывать могла только на себя. Факультативы, увы, в общий зачет не шли.

В столовой шумели, гремели посудой, общались и ели. Трапеза была приправлена тоской. Я мечтала о перспекти-

вах, Вельта продолжала токовать про Холина и их многочисленное семейство, плавно сворачивая на свою излюбленную тему – о парнях. Тоска усилилась. С кем идти на пирушку, посвященную выпуску из Академии, я понятия не имела, а заявиться в одиночестве гордость не позволяла. Геттара позвать? Будет стильно. Я в печали, он в плаще с капюшоном...

– Митика Лукреция Ливиу! – вдруг заорала Вельта почему-то мужским баском, я дернулась, мир кувыркнулся, и я сверзилась с лежанки, больно ударившись затылком. Когда звезды рассеялись, явив серые обшарпанные стены и решетку, я сообразила, где нахожусь.

Глава 5

– Мисс Ливиу! На 9.30 к мастеру некроманту!

Я взлетела с пола и прильнула к решетке, как к любимому. Тьма Изначальная! Пустое вчера в ночи помещение теперь напоминало привоз. Масса разнообразного народа толпилась за длинным турникетом, как обильный улов в садке. Вызывали по одному. Видно, где-то на входе стояло распределительное устройство, выдающее билетки с номерками, соединенное по магниту с визором дежурного. Мимо меня с видом существа, честно отработавшего смену, прошествовал давешний Пышко. Я сцапала его за рукав.

– А, – обрадовался он, – гарпия! Ща, погоди.

Он порылся в кармане еще не снятой формы, добыл ключ и выпустил меня внаружу.

– Скажите, а это какое отделение?

– Так... 2-е Восточное

– Мрак, – выдала я и, когда мое имя проорали в третий и, я так понимаю, в последний раз, подошла к столу дежурного и шлепнула перед ним изрядно потрепавшееся направление.

Сказать, что ошеломленный очередной встречей вчерашний служитель закона с известной в магических кругах фамилией был мне ужасно не рад, значит не сказать ничего. На мятом и осунувшемся еще со вечера лице добавилось следов ночевки на столе, а на меня с этого лица взирали мутноватые

от усталости глаза.

– Жалобу можете подать дежурному, – сообщил он и вновь уронил голову на сложенные на столешнице руки. И умер. То есть замер.

– Кх-кх, – многозначительно выдавала я.

В ответ мне вопрошающе всхрипнули.

– Я из Академии. – И уточнила. – На практику.

– О, Тьма, – простонал некромант куда-то в переплетенные руки и, не поднимая головы, спросил: – Молчать умеешь?

– Да.

– Сядь и помолчи. Через полчаса подними... эээ, разбуди.

Ну-с, будем считать, первое задание получено, приступаю к выполнению. Ничего пригодного к сидению, кроме того стула, который занимал хозяин кабинета, в помещении не обнаружилось. Я пристроилась на компактный переносной алтарь, предварительно оттерев остатки меловых линий и пошатав конструкцию, проверяя, выдержит ли она мою тушку. Комнатка, не сказать, чтобы просторная, была полна добром, как закрома хоббита. Полка почти во всю стену с ингредиентами, аксессуарами, шанцевый инструмент, представленный парой лопат, а так же обшарпанный стол с хозяином – вот и вся обстановка. В углу за мной прикорнул кособокий деревянный стеллаж с гримуарами и картонными папками “Дело №” вперемешку. На подоконнике тихо умирал неизвестный представитель растительного мира. Полу-

засохший желтоватый листок на кривоватом стебле скорбно тянулся к серому от пыли стеклу. Я уже практически слышала его мерзкий визгливый голосок: “Водыыыы!”, как мир крутнулся, и я опять очутилась на полу. Тенденция, однако.

Надо мной в классической позе атакующего мага стоял восставший самостоятельно некромант. В занесенной над головой руке мертвенно синим мерцал пульсар. Пространство вокруг меня усеивали просыпавшиеся со стеллажа папки

– Полчаса, – сказала я и икнула, – прошло.

Похоже, я тоже задремала, и голос, который мне помешался, был звуком подломившейся и поехавшей по полу ножки.

– Можно было просто за плечо потрясти, – буркнул Холлин, смял в ладони сгусток энергии и снова рухнул на свой стул, только теперь вполоборота ко мне.

– Не дует?

– А?

– Так и будешь лежать?

Стараясь не слишком светить ниглиже, поднялась, потеснила горшок на подоконнике и пристроилась там же. Пронзительные черные глаза следили не отрываясь, мне даже неловко стало за свой пожеванный вид. Впрочем, негостеприимный хозяин кабинета выглядел не свежее меня. В помещении ощутимо пахло. Практически, как в крыле, где располагались лаборатории родного факультета, и я, по-

чувствуя себя почти как дома, расслабилась.

– Как звать? – взгляд Холина сфокусировался где-то чуть выше моих коленок. Его так картина увлекла или просто шея затекла от настольного сна, и голова выше не поднималась?

– Мика, – ответила я и платье обтянула. На всякий. – Митика Ливиу.

– Ведьма!

Он сейчас о фактах, или обзывается?

– Некромант, 4 курс НАМ, преддипломная практика, – на всякий случай уточнила я.

– Не суть. Ливиу, который второй советник в магистрате города, кто?

– Папа.

– Жаль...

– А вы?..

– Однофамилец, – даже не дослушав заявил Холин.

– Жаль...

Меня смерили презрительным взглядом.

– В десять у отделения. Не опаздывать. И оденьтесь во что-нибудь менее... экзотичное.

– А...

– В десять у отделения.

А потом поднялся и ушел. Вот так вот бросил непонятно кого у себя в кабинете. Мало ли что... Я вздохнула, стеллаж с папками поехал вдоль стены, роняя содержимое и окончательно упокоился. За дверь я выскочила со скоростью го-

ночной ступы, кентавром пропахала неорганизованное столпотворение, случившееся у стойки дежурного и облегченно выдохнула только на крыльце. Причем выдыхала я в широкую грудь в новеньком мундире.

Ой, мать моя темный маг... я пропала. На меня с вершин взирали дивные глаза дивного представителя дивного народа. Ласково и с отеческим укором. Отечественый укор мог быть вполне себе даже прадедушкиным. Поди разбери сколько эльфу лет, если они такие... эльфы!

— Выглядите ужасно, душечка! — сообщил дивный, округлив изумительные бирюзовые глаза. — Какой изверг вас до подобного довел?

К моменту сомнительных комплиментов я уже отодвинулась на менее интимное расстояние и потому могла обозревать часть служебной стоянки, где пытался завести магмобиль мой будущий наставник. Эльф проследил за взглядом и нахмурился: темные бровки, волосок к волоску, чуть сдвинулись к переносице, глаза сурово прищурились, точеный подбородок приподнялся... А мой опустился, потому что я приоткрыла рот. Не удивлюсь, если бы и слюна закапала. Такое совершенное совершенство масти теплый каштан на расстоянии вытянутой руки.

— Хм... — глубокомысленно изрек эльф. — Мастер Холин в своем репертуаре. Жалобу подавали?

— Зачем?

— Зря...

– Комиссар Эфарель.

За мной кто-то лихо щелкнул каблуками и дивный отвлекся от некроманта, отвечая на приветствие, а потом вновь повернулся ко мне:

– Простите мою бестактность, – сказал он, отступил на шаг и изумительно грациозно поклонился. – Комиссар 2-го Восточного отделения магнадзора Альвине Эфарель.

Черт бы побрал вбитые на уровне подкорки придворные расшаркивания... Я поняла, что представилась по всей форме и изобразила реверанс, только когда все закончилось. Можете вообразить, как выглядит подобное движение в платье выше колена? Вот то-то и оно. Впрочем, Эфарель ни одной мышцей на идеальном лице не дрогнул и куртуазно протянутую ручку чмокнул, как и положено в паре миллиметров от кожи – чтоб от дыхания уже горячо, а прикосновения еще нет.

– Мисс Ливиу, могу я что-нибудь для вас сделать? Чтобы загладить вину подчиненного. Проводить? Вызвать такси? Отвезти вас?

Я представила сколько выйдет чесать пехом от 2-го Восточного в Центральный, мысленно пересчитала оставшуюся наличность, которой было явно недостаточно на такси, и предпочла третий вариант. Заодно полюбуюсь на папину физиономию, когда он узрит, в чьем сопровождении я явилась домой. Пусть должность комиссара в районном отделении магнадзора не бог весть какая престижная, но в какого эль-

фа ни тки – обязательно попадешь в высокородного и благородного.

Глава 6

Папа встречал на крыльце. Выходило, что дела мои были не просто плохи, а очень плохи. Брови сомкнулись над переносицей клином, а серый глаз наверняка был цветом с грозовое облако. Полы длинного старомодного домашнего халата развевались сами собой, кривоватая тень, лежащая ступеньках, тоже как-то странно подергивалась, а значит магистр Ливиу дошел до той стадии бешенства, когда ведьмачья натура начинает лезть наружу, игнорируя воспитание.

Комиссар Эфарель галантно открыл мне дверь своего шикарного магмобиля марки Феррату убойно артериального цвета – еще бы, ведь компанией по производству подобных красавцев владеет вампирый клан. Опираясь на протянутую руку, я вышла. Папа не стал держать паузу и рванул навстречу, остановился в паре шагов, глубоко вдохнул и на выдохе:

– Это как понимать, юная леди?!

– Эльфы бывают разные: черные, белые, красные, – препохабным голосом завелся у меня в сумочке магфон. – И всем одинаково хочется.

На этом слове рингтон обрывался и дальше шел по кругу. Я пыталась вслепую сбросить звонок, не выпуская папу из поля зрения и держась к нему, на всякий случай, боком. Эфарель был невозмутим, только кончики ушей, пробива-

ющиеся над шелковыми светло-каштановыми пряжами, как первые крокусы сквозь землю, предательски порозовели. Он сделал шаг вперед и виртуозно меня оправдал:

– Господин Ливиу, 2-е Восточное отделение магнадзора в моем лице приносит вам извинения за то, что мы задержали вашу дочь...

Папины брови сошлись так близко, что я почти слышала, как они скрипят. По перстням на гневно сложенных на груди руках пробегали зеленоватые сполохи. Пахло грозой. Эфарель моргнул и поспешил дополнить:

– Мисс Ливиу оказалась свидетелем преступления и великодушно согласилась помочь.

Левая папина бровь устремила вверх, как часть разводного моста – я наблюдала и заодно пыталась вспомнить, что я вчера такого могла видеть, что сошло бы за преступление, а главное – где.

Комиссар откланялся и, скрывшись в недрах феррату, покинул подъездную дорожку, а я отправилась к себе, сопровождаемая пристальным папиным взглядом. На всякий случай пробормотала под нос заговор от сглаза и пальцы фигурой отвращения сложила. Вон как его проняло! Случайно проклянет – сам потом снимать замучается, родительское гневливое слово самое цепкое.

Комната встретила тем, чем я ее вчера покинула – филиалом хаоса. Ничего страшного не произошло, просто я собиралась на вечеринку, назначенную сразу после распределе-

ния. Наверное, для того, чтоб одни могли отпраздновать, а другие – стресс снять. У меня не вышло ни того, ни другого. Я, как и планировала, позвала Геттара, тайно надеясь, что он уже занят, и у меня будет веская, в глазах Вельты, причина вообще туда не идти. Но он согласился. Причем так быстро, что я заподозрила подвох. Оказалось, что у него на меня были такие же планы. Была, конечно, малодушная мыслишка никуда не пойти вдвоем...

– Не простит, – подытожил полуфей наши переглядки, и мы разбеглись в разные стороны.

Договариваться о месте встречи было лишним – Геттара, как и меня, ждало распределение. Правда, ему и его диплому с отличием не грозило оказаться там, где в итоге очутилась я.

В общем, получив направление, я изобразила на лице радость, а меня, с такой же неискренней радостью, потрясла за руку мадам Квази, замдекана, наш куратор и преподаватель по темным конструктам. Только не путайте с обычным зомбированием. Для зомби берется целенький (ну, относительно) мертвый, по всем правилам выкупленный у родственников, иногда неустановленный немертвый, выловленный бравыми магнадзоровцами. Это в теории. Нам же зомбирование по методичкам и фильмам преподавали в виде обзорного курса. Практику мы проходили на мышах. Зомбирование разумных строжайше запрещено магической конвенцией и является делом наказуемым и сажаемым в тюрьму на неопределенный срок. В особо тяжких случаях даже жизни

лишают. А так у нас вполне прогрессивное королевство не хуже Ирея, где основное население – ирлинги, или соседней Штиверии, где, как и у нас, каждой тва... расы по паре, а то и по две.

Темный же конструкт – это почти как голем, только из искусственно созданного некроматериала. Просто когда-то давно, не помню когда, целители пытались органы для пересадки выращивать, а получилось как всегда. В общем, такая специально созданная кукла с набором функций. А зомби – это либо мертвый разумный, которого подняли и к делу приспособили, либо мертвое животное.

Не понятно? Ну вот смотрите:

1) мертвое – умерло, лежит и не отсвечивает, а если поднялось – значит кто-то помог, и суровые люди в форме работают;

2) немертвое – умерло, полежало и восстало само (проклятие, шлейф от темного заклинания, не зачищенного криворуким некромантом, эманация тьмы), и опять магнадзору работать;

3) неживое – умерло, но само не упокоилось и лежать отказывается (неправильно проведенный ритуал захоронения, захоронение в неположенном и неосвященном месте без печати упокоения, в положенном, но без отпевания, кремация без предварительного отпевания или последующего наложения печати) и тогда снова дергают магнадзор.

Это что касается некромантии. А нежитиеведение – это

про низших темных: гулей, вурдалаков, гарпий, упырей и т.д.

Я вот на экзамене примерно так и излагала. А Йорд желал, чтоб все по учебнику, и конкурентов на поприще красноречия не любил. Оратор Йорд часто у нас на теории некромантии заменял и на экзаменах в том числе – очень энергичный тип. Основного же преподавателя, темного магистра Эмильена Нику, на лекциях мы видели хорошо если через раз. Вот уж по кому можно было томно повздыхать, орошая подушку слезами безответной влюбленности по ночам.

У магистра были прозрачно-серые глаза и белые волосы, резко контрастировавшие со смуглой кожей, а еще его бесконечно дергали в тот самый магнадзор, А уж случись ему присутствовать на практическом занятии – явка была стопроцентная, даже если приходилось замарать маникюр. Ребята только посмеивались, наблюдая, как немногочисленная женская часть группы принимает позы соблазнительнее, расчерчивая площадку знаками, или сбрасывает курточки, разгорячившись, якобы, от интенсивных земляных работ. Что ж, я тоже как-то не устояла от соблазна взяться за черенок протянутой лично Эмильеном лопаты, а я – ненавижу копать.

Припоминая учебные будни, я перемещалась по комнате, подбирая разбросанные вещи, и вдруг замерла, так как отчетливо вспомнила события прошедшего вечера и ночи. Как там говорил комиссар Эфарель, была свидетелем?

Глава 7

На моих глазах группа превращалась... превращалась группа... Да у меня даже слов не было, чтобы виденное адекватно описать. Банда обкурившихся гоблинов? Нажевавшиеся грибов орки? Многодетное хоббитское семейство на прогулке? Просто все были будто не в себе. Глаза лихорадочно блестели, звучал смех, тосты, крики. Не иначе, кто-то из однокурсников разжился у ведьм веселящим зельем и обильно сдобрил им стоящие на столах графины с напитками. Спокойно разговаривать было невозможно из-за довольно громкой музыки. На полукруглой сцене перед выгнутым монитором, транслировавшем вспышки, звезды и прочую абстракцию, соблазнительно извивались две вампириши – подтанцовка популярного певца-сирена Бимы Милана.

У нас вообще их много было. Я конкретно сиренов имею ввиду. В паре часов езды от Нодлута в огромной чаше мертвого вулкана находился их подводный город Сир-Ирин. В народе же озеро звалось Сиреневым, и, как вы понимаете, дело было вовсе не в цвете воды. Хотя двоякодышащий народ и не был многочисленным, в городе они встречались чаще, чем те же эльфы или хоббиты. В брак с другими расами они вступали редко, но бывало какой-нибудь темный портил чистую кровь. Вообще у темных натура такая – портить, как у ведьм – глазить, хоббитов – есть, а у эльфов – очаровывать

и страдать. Нет правда, фраза “Не страдал, не эльф” давно и прочно ушла в народ из уст Летаники Корд³, многократной чемпионки экстремальных гонок на ступах. Я это знаю только потому, что папа в молодости был ее ярим поклонником и до сих пор хвастается всем общим с ней магфото с автографом.

– Это ты, это я, между нами – магия... – вибрируя обертонами в усиливающий звук жезл чувственно, но зажигательно выдавал сирен. Голубокожий, сероглазый и темноволосый. Чистокровный, в отличии от того, что находился рядом со мной.

Мы неосознанно поменялись ролями: предполагалось, что в темном будет он, а в печали я. Вышло наоборот. У ворот Академии сразу после распределения, феесирен, отойдя в сторонку долго и эмоционально говорил с кем-то по магфону, всю дорогу до ресторации молчал. Казалось, его напряжение, заполнившее салон такси, можно было пощупать. Водитель нервничал и явно вздохнул с облегчением, когда мы выгрузились. А потом Геттар избавился от плаща.

Памятуя, что приятель всегда драпируется в что-то длинное и балахонистое, я решила сыграть на контрасте. На мне было короткое, выше колен, и достаточно открытое черное платье с пышной юбкой и умопомрачительные черные же туфли на шпильке. Сумочка болталась на цепочке, обмо-

³ Главная героиня юмористического романа Наталии Журавликовой “Магическое вожде(ле)ние без тормозов”

танной вокруг запястья. Феесирен меня сделал, явившись в обалденно сидящем сером костюме. Сизого цвета волосы в искусственном свете отливали тяжелым металлическим блеском и были практически в тон. Извечный капюшон заменила элегантная маска, закрывающая большую часть лица. Причем плащик с капюшоном на распределении на нем еще был, а на входе в ресторацию уже нет. Легкое встряхивание кистью, два щелчка, едва ощутимый толчок силы и ткань рассыпалась мерцающими пылинками. Вот что значит сильный темный дар, а не моя жалкая почти половинка.

В настоящий момент этот обладатель “золотого” диплома чах над очередным бокалом и с видом великомученика повествовал мне о том, как тяжело будет ему проходить практику на побережье Лучезарии, где папочка, проживающий там в настоящее время, выхлопотал для сыночка место в береговой охране. Я прекрасно знала, что Геттара брали в Центральное управление магнадзора, и не практикантом, а на полную ставку с автоматическим зачетом по практике. Ну пойдет работать с осени, всего то проблем. Лето у моря ему не нравилось... Пусть папа и его новая семья идут довеском, но море же!

– Ты идиот? – как могла поддерживала я его. – Целое лето вдали от зловонных городских закоулков, пляж, солнце, ласковые волны

– По-твоему тело, пролежавшее неделю в воде, пахнет и выглядит лучше, чем оно же, проведенное столько же времени

в земле? И таскать это и раскапывать, если его уже ласковые волны в пляж закатали, по жаре комфортнее?

– Ты чудо, – проговорила я, приятно ежась от его голоса. Парень поперхнулся напитком.

– Что?

– Ни один мужчина на свете не способен проводить сравнительный анализ посмертного разложения тел в разных климатических условиях так романтично и проникновенно.

– А как же милашка Эмильен? – черные глаза Геттара весело поблескивали из прорезей маски.

– Не путай спящее с мертвым. Я же сказала, романтично и проникновенно, а не настойчиво и уверенно. И потом, он не в моем вкусе.

– А кто в твоём?

Я окинула ищущим взором центр зала, где образовался импровизированный танцпол. Нашла Вельту в компании с каким-то белобрысым эльфоподобным типом, нескольких парней и девчонок из своей группы. Незнакомых было мало, мне они интересными не показались, и пока что Геттар в своей загадочной маске выглядел в романтическом плане привлекательнее остальных. О чем я ему и сообщила. Но в этот момент встретила взглядом со Стефеном. Паразит, обнимающий в танце мою сокурсницу, развязно подмигнул. Меня перекосило, и Геттар ожидаемо принял на свой счет.

– Раз ты так на привлекательных реагируешь, страшно подумать, что с тобой будет когда кто-то отвратительный по-

дойдет.

– Отвратительный не подойдет, – сказала я и отпила из обновленного кавалером бокала.

Предположения о веселящем зелье имели под собой веские основания, поскольку дальше я потащила парня на танцпол, и часть вечера слилась в яркую шумную круговерть. В конце концов я с удивлением обнаружила себя в углу гардероба азартно целующейся с Геттаром и вспомнила, что поддалась на провокацию проверить, насколько его романтическое и проникновенное может быть настойчивым и уверенным. Правда, в порыве страсти я пыталась стянуть с него не пиджак, а бархатную маску. Во всяком случае пальцы моей правой руки были уже под ней. Тут Геттар дернулся будто его пониже спины щипнули, хлопнул по карману, где сквозь ткань подсвечивал экран магфона, ругнулся тьмой и бросил меня среди голых вешалок с редким вкраплением чьих-то плащей и накидок.

Глава 8

В холле перед зеркалом я поправила платье и волосы. И помаду, чего уж. И вернулась в зал. Веселье сбавило градус. Сцена была пуста. Из динамиков лилось что-то ненавязчивое, народ рассредоточился мелкими кучками. В голове у меня немного шумело, хотелось пить. Я поискала глазами кувшин и радостно набулькала в стакан сока. Вельта, которую до этого вполне устраивало наше с Геттаром формальное присутствие, вспыхнула ко мне интересом.

– А этот где?

Я пожалала плечами и ополовинила стакан. О, первый грех! Они и в сок зелья налили или он просто грейпфрутовый, который и так горчит? Что-то после обмена мнениями с однокурсником у меня ведьминское чутье сбоило – силен, паразит. Вот и Вельта косится, наверняка уже почувствовала. Вампиры на темную энергию реагируют лучше всех, а в некроманты идут очень редко. У них на некромантов какие-то древние-преддревние обидки еще с тех времен, когда вампиров за разумных не считали и приравнивали к упырям.

– Ходили... подышать.

Вельта как-то плотоядно ко мне принюхивалась, и я ото двинулась. Дружба-дружкой, а самый главный инстинкт, который самосохранение, еще никто не отменял. Ишь, блеснит резцами.

– Угу, – сказала она и сглотнула.

– Ничего такого мы не делали, если ты об этом.

– Об этом, – подтвердила подруга. – Только я не пойму, чего ты зарделась, как невинная жертва на алтаре. Тут за четыре курса кто с кем чего только ни делал.

И мерзко захихикала, явно вспоминая происшествие полугодичной давности, когда я в свою очередь феерично сварила на всю группу зелье, отбивающее обоняние. Зачем? Думаете в лаборатории некроанатомии фиалками пахнет? Как и в других. А бальзамирующий состав для конструкторов вообще мрак. То ли просто луна не в той фазе была, а ведьмы на нее сильно реагируют, то ли просто выбесил меня кто... Зелье сработало отлично, просто после прошествия двух часов, когда основательно притупленное обоняние вернулось в норму, все испившие поменялись в лице, покрывшись крупными хаотично мигрирующими по коже пятнами, загадочно отсвечивающими синевой. В темноте исключительно хорошо светилось. Примерно с неделю. От нашей группы даже преподаватели немного шарахались, очень уж мы напоминали то, с чем на практике работают. Особенно эффектно это выглядело в темном переходе из нашего факультетского корпуса в общий учебный. Знаю, что пузырьочки с составом какое-то время ходили по рукам, пока не закончились естественным путем. Повторить не удалось никому. Мне в том числе.

– А ты бы и правда, с ним поосторожнее.

– С Геттаром? Что он мне сделает?

– Сделать – не сделает, а хотел бы – давно бы сделал. С первого курса с нами тусит. Ему человека заморочить, что тебе экзамен завалить. Будь ты миллион раз ведьма. Или до сих пор не догадалась, отчего его почти не спрашивали устно и экзамены все, где отвечать надо долго и обстоятельно, он экстерном сдавал? Даром, что выглядит почти как фей и сила такая же, от папы сирена ему основательно перепало. Он и не говорил за все это время почти ни с кем особо, с нами только. Но на меня его чары не действуют, у вампиров физиология другая, а на тебя очень даже.

– Ой, не нагнетай. Он просто на вступительных мне бланк с ответами распылил, когда отвечать пошел. Пришлось из-за него все наново писать, чуть успела. Он извинился, но я психанула, обозвала его как-то, не помню уже как, и сказала, что, если поступлю, он весь семестр за меня в библиотеку будет гонять. А он ухмыльнулся и сказал, что согласен и что я не поступлю. Ну, ты же его без драпировок видела? Меня от этой улыбки так проняло, что я, наверное, только от шока практическое задание и сделала. Так он и протаскался весь семестр за мной, а потом... привык, наверное, что хоть кто-то от него не шарахается, когда капюшон слетает.

– А я думала, ты его специально с собой водишь, парней распугивать. Потому к вам и пристроилась.

Я хихикнула. Кажется, горчинка все-таки была от зелья. И поинтересовалась:

– Может, по домам?

– А давай, а то как-то тут кисло стало. – Мы поднялись и направились к выходу. – Стефен кстати, как вы с Геттаром уединились, репьем лип и выпрашивал, всерьез у тебя или так, побаловаться. Вон он, сюда идет.

– Вот и пусть идет. Лесом.

Я, не оборачиваясь, заторопилась к выходу. Заказанного Вельтой такси еще не было, а бывший, вдруг вспомнивший о моем существовании спустя два года игнора, уже дышал за спиной.

Как большинство моих спонтанных решений, решение пойти пешком оказалось неудачным. Не часто я гуляла так далеко от своего района и, кажется, свернула не туда, потому что улица вместо того, чтобы раздаваться вширь, наоборот, становилась все уже и мрачнее. В мою сторону из подворотни шарахнулся пьянчужка, я взвизгнула, бросилась бежать. Надо мной со звоном лопнул один из двух фонарей, хоть как-то разгонявших мрак, а потом я налетела на появившегося из-за угла, куда сама собиралась юркнуть, типа. Меня эмоционально окрестили распутницей.

Подбитый был в плаще а-ля Геттар, то есть совершенно непроницаемом, если бы я слегка не сбила капюшон с его макушки. Освещение оставляло желать лучшего, и разглядела я только мужественный подбородок и брезгливо поджатые красивые губы. На холеной руке сверкнуло изумрудным, и я всеми внутренностями почувствовала сворачивающийся

клубок темного проклятия.

Бросилась в сторону. Бросили в меня. А, нет, не в меня. Резко запахло озоном и уши сдавило – в ответ на брошенное летело тоже. А я между!

Спас узкий проулок. Даже не проулок – щель между домами, до одури воняющая кошками. Ввинтилась, развернувшись к входу лицом. Попятившись, стараясь не думать по чему ступаю, шагнула, как стояла, спиной, дальше и глубже в тень. Каблук встал на мягкое. За мной мелодично и эмоционально возмутились, а потом словно пеленой накрыло, и я уже оказалась у старого городского кладбища и было мне себя так жалко, что хоть садись и пой.

Глава 9

Кое-как распахав разбросанные одежды по полкам, в полусонном состоянии посетила ванную. Когда я оттуда вышла, организм уже практически спал, но выполнил несколько шагов до кровати.

Кровать, как самая необходимая вещь, находилась в самом центре комнаты, чтобы из любого угла в те самые несколько шагов можно было до нее добрести. Даже если глаза уже закрыты – все равно наткнешься. Что, собственно, со мной и случилось. Проблема была в том, что я, выйдя из ванной, не удосужилась снять с мокрых волос тюрбан из полотенца и теперь с содроганием взирала на последствия.

Волосы цвета темный каштан невнятной всклокоченной массой обрамляли припухшее со сна лицо. Бытовые заклинания, вроде “гладкие и шелковистые” этот шедевр не победили. Решив, что не у каждого должно быть свое гнездо, взялась за расческу. Где-то между “красота страшная сила” и “лишь бы не торчало” ко мне в дверь поскреблись. В щель потянуло вкусным. Я выдохнула и, оставив безнадеежный бой, заплела косу.

В комнату тем временем просочилась, несмотря на необъятные габариты, наша кухарка полуорка Годица с подносом. Она служила в доме уже года четыре, хотя мало кто выдерживал папин характер дольше трех, и была также монумент-

тальна телом, как все предыдущие властительницы сковородок. Просто папа считал, что хорошая кухарка не может быть худой. Годица же, при всем своем немалом росте и объемах, была очень подвижная и ловкая, и сильная невероятно, как все их орочье племя. Придирчиво изучив меня в интерьере, она ловко сдвинула в сторону косметический развал перед зеркалом и, водрузив поднос на туалетный столик и усадив меня перед оным, взялась за расческу. Я попискивала, но терпела, а заодно – уничтожала принесенное. По прошествии получаса тарелки были пусты, а я – более-менее похожа на девицу, а не на одуванчик.

– Вот и умничка, а то синяя, как мертвяк, один скелетик остался.

Я поперхнулась чаем. Я была далека от скелетика и цвет лица еще вполне живой, но у Годицы все, что меньше сантиметра, считалось неполноценным, а потому заслуживающим пристальной заботы и внимания. Этим она напоминала мне мою кормилицу и няньку Тоху, пусть ей спокойно лежится.

– Который час? – опомнилась я.

– Семь почти. Батюшка ваш вас ждал, разбудить хотел, но я не дала.

– Ты не дала?

– А и что? Бровями подвигал только и в магистрат ука-тил. Служебный мобиль даже ждать не стал. Ступу свою из гаража вытащил и усвистал. А в холле вас типус дожидается. Сказал, сокурсник ваш академский. Я дальше пускать не

велела.

Обходить Годицу было долго и неудобно, поэтому я проскакала по кровати и уже распахнула дверь как меня изловили за пояс халата.

– Куда в исподнем!

– Нет на мне исподнего, только халат.

Пока полуорка соображала, я выскочила в коридор. Уж кого-кого, а сокурсников, которые видели друг друга в лабораторных комбинезонах и чужих останках целомудренным халатиком не смутить. Циничнее некромантов, наверное, только целители. Учимся-то практически одному и тому же, только наши клиенты уже того, а их еще нет.

Узрев у окна фигуру в плаще, я возрадовалась.

– Геттар! Рыбий сын! Ты меня бросил там одну!

Стоящий обернулся. Я резко тормознула, руки сами собой сложились на груди, и бровь поползла вверх. В папином исполнении подобное выглядело грозно, в моем, должно быть, комично, потому что паразит Стефен – а это был он – расплылся в улыбке.

– Крошка Лу, – выдал он и полез обниматься.

Между нами пробежала искра, и Стефен поспешно придушил затлевшую одежду. Терпеть не могу, когда меня вторым именем зовут. Бабка Лукреция, папина мать, в честь которой меня, согласно традиции, нарекли, ведьмой была не только по дару, но и по жизни. Собственно, почему “была”? До сих пор есть. Я ей только за одно бесконечно благодарна

– она, что бы ни происходило в папиной жизни, наотрез отказалась со мной нянчиться заявив, раз завел ребенка, то сам его и выгуливай.

– Какого демона тебе тут надо?

– Хотел справиться о твоём здоровье.

– Не справишься. Потому что ты уже ушел.

Я улыбнулась. Нежно и ласково. Стефен попятился. Всем на свете известно, что ведьма особенно сильна в родном доме, который сам по себе – один огромный и почти живой артефакт. Пусть даже его собрали из обломков старого родового гнезда, оставшегося где-то на краю Бездной пустоши... В голове привычно зашумело, и я привычно провела пальцами по ободку кольца с невзрачным серым камнем. Сразу сделалось легче. Злость на Стефена тоже прошла, но выпинать его за порог было делом принципа. Собственно, он уже там и находился. Стоял на пороге, готовый сбежать, если вдруг что.

– Слушай, скажи честно, что тебе нужно? – спросила я, а то ведь так и будет таскаться мороком и скулить.

– Матери твоей путевой журнал, – выпалил он. – У меня магистерская по слиянию потоков реальности, а она же на передовой была во время инцидента в Иль-Леве.

Помню, как раскинула руки и меня над полом вздернуло. Стефена вымело за дверь потоком силы, а потом в глазах горели звезды, сталкивались в пустоте миры и разлетались, как бильярдные шары, а я вдруг оказалась на диване, дрожащая и замотанная в холодное мокрое покрывало. Волосы,

по ощущениям, снова стояли дыбом, а Годица сидела рядом, надежно фиксируя, что мои руки к телу, что меня к дивану, и речитативом бормотала что-то умиротворяюще-успокаивающее.

– Ч-ч-ч-что это на мне за д-д-д-дрянь? – пролязгала я, пытаясь ужом вывернуться из липнувшей к коже ткани.

– Помните, как в древние времена ведьм полоумных в прорубь макали? А где я вам посреди дома прорубь найду? Вот покрывалкой и обошлась.

– З-з-зачем?

– Так, у вас, барышня, кажется, инициация случилась. Батюшке я уже по тревожной кнопке набрала, так что не волнуйтесь. А... вы значит, того?

– Что, “того”?

– Ну, не девица уже? Пришли под утро, да с кавалером... Вот оно и... У ведьм так часто. Вы не переживайте, я-то не скажу, но батюшка ваш не дурак же, сам руны сложит...

Двери перед только что помянутым всеу ведьмаком распахнулись сами, сами о стенку грохнули, и лепнина с потолка тоже сама посыпалась. Папа вытряхнул меня из мокрого, ощупал со всех сторон и разве только в зубы не заглянул. Потом отправил кухарку заварить чаю из синей банки.

– Да я спокойная! – возмутилась я.

– А кто сказал, что для тебя? – устало выдохнул папа, и я вдруг заметила, что морщин у глаз стало больше, а в смоляной шевелюре на висках пусть и редко, но проблескивает

серебро.

Он посмотрел на меня, притянул к себе и обнял.

– Ну почему ты не родилась обычной ведьмой?..

– Или обычным магом, – пробухтела я в пахнувший машинной смазкой и кожей пиджак.

– Или обычным магом, – согласился отец.

Я вздохнула. Тут уже ничего не поделаешь. Никто не выбирает, кем родиться.

Глава 10

– Опоздала, – сказал некромант и сунул в лицо запыхавшейся мне древний служебный магфон с цифрами 9 и 32 на мониторе, спрятал его, достал другой, надо полагать, личный, и что-то пометил.

– Дневник? – И руку протянул.

– Дома забыла, – брякнула я прежде, чем сообразила, что давно уже не в школе, и залипла на пальцы. Кормилица бы сказала – музыкальные. Точно не знаю, но маникюр у него был куда лучше моего.

– Холин! – воззвала из приоткрывшейся двери неопознанная голова. – Ну е-мое! Она же меня сейчас живьем сожрет! Уже пятый раз звонит!

– Передай, что я лично зайду ее упоко... успокоить, – не отрывая от меня испытующего взора, ответил мужчина.

– А когда? – уточнили из щели.

– Ночью, – многозначительно пообещал некромант. – С гарпией закончу и зайду. В машину. – Последнее было уже для меня.

Магмобиль ожидал другой, потрепанный, но без всяких там раритетных колес, потому загрузилась я молча. Затем сел некромант. Дверца грохнула, в багажнике брякнуло, а я вспомнила про дневник, который забыла, потому что у меня его не было. В оный полагалось вносить каждый чих, тща-

тельно его анализировать и делать умные выводы, под которыми в конце мучений должна была стать отметка руководителя практики с обоснованием, гожусь я на что-либо, кроме как лопату держать или нет. К слову, наверняка это она горячо нелюбимая в багажнике брякает, когда магмобиль подергивается от неровно работающего заклинания, держащего чудо техники в полуметре над дорогой. Зонтик купола тоже вздрагивал и временами шел радужными сполохами, отчего проносящиеся мимо дома то и дело окрашивались то в задорно-зеленый, то в загадочно-фиолетовый. Хотя мне лично был по душе синий, аквамариновый, густой и сочный... ой...

Меня мотнуло вперед, и съеденный впопыхах ужин повторил попытку меня покинуть. Первый был, когда я мчалась к месту назначения на такси, и магмобиль резко затормозил, не доехав до отделения надзора метров триста. Их пришлось преодолевать бегом. Благо в это явление пред темные очи Холина экипировка соответствовала способу передвижения. На мне были выдавшие виды неубиваемые штаны из вытертой до состояния замши кожи, рубашка, корсет, высокие ботинки и куртка. На поясе с обеих сторон, так чтобы было удобно в любой момент запустить туда руку, болтались два поясных кошель с разными мелочами: в левом – нужное, а правом – полезное. Иногда ситуация путала первое со вторым, но как правило, удачно. Надеюсь, повезет и в этот, так как сегодня вечером, а лучше еще пару дней, мне ни в коем

случае нельзя было прибегать к силе, ни к ведьминской, ни к темной. Последнее меня слегка беспокоило.

Магмобиль стоял у ворот. На древние каменные столбы, на одном из которых даже горгулья сохранилась, опирались ворота и пролеты, сплетенные из металлических штырей. Честное железо – а только оно надежно и стабильно удерживало некромантские плетения – с облупившейся местами серебристой краской и проступающей сквозь нее же ржавчиной безнадежно тонуло в разросшемся вокруг шиповнике. Мрак и преисподняя! Снова это место. И что меня сюда тянет, как топляка в омут? Я даже прищурилась и, прижав и оттянув уголок левого глаза, осмотрела себя ведьминским взором на предмет прилипших шальных проклятий вроде “чтоб тебе пусто было”, “не сойти тебе с этого места” или “совет да любовь”... ой, нет, это, кажется, из другой оперы. Однако ничего такого на мне не было, зато внезапно обнаружилось отцовское благословение и примитивный орочий заговор на удачу и богатого мужа. Годица, кто ж еще. Минуточку, а не с ее ли подачи папа в последний год вдруг воспылал желанием показать меня миру, бесконечно таскал за собой по всяким приемам и при каждом удобном для себя и неудобном для меня случае представлял холостым сыновьям своих коллег из магистрата, их братьям и прочим родственникам?

Пока я думала о вечном, Холин выбрался с водительского места и азартно закопошился в багажнике, явно готовя мне сюрприз, а себе – развлечение. Уж очень злорадно он на меня

покосился, когда из салона вылезал. Собралась и вышла.

Окраина. Дома здесь были не больше двух этажей, с невысокими односкатными крышами и неизменными голубятнями, приземистые и старые, куда старше тех, что в центре, словно город, разрастался не вокруг, а будто бы в сторону, оставляя место упокоения подальше от глаз, как скрывают от успешных и правильных приятелей свою милую, но странноватую деревенскую родню. Я глубоко вдохнула сумерки. Одурающе пахло необычно поздно цветущим шиповником. Солнце, окрашивая углы домов в тревожно красный, уже почти спряталось, а темное небо, наоборот, придвинулось ближе, прижимаясь мягким облачным подбрюшьем к острым пикам башен и кованых флюгеров.

В такой вечер только на свидания ходить, а не по кладбищам бегать, хотя некоторые уникамы как раз на кладбище на свидания и ходят. Я покосилась на некроманта. Поравнявшийся со мной Холин был занят: в левой руке – лопата, в правой – ремень с продетыми на него сквозь петли карманами, почти как у меня, только карманов было больше.

– Не орать, не бегать, не хватать за руки, инструкции выполнять молча, быстро и без вопросов, – выдал мужчина.

– Мастер Холин, а что я буду делать?

– Копать.

Черенок резко протянутой лопаты, несомненно, прилетел бы мне в лоб, не схватись я за него обеими руками. Наши пальцы соприкоснулись и... Нет, никаких бабочек, звезд,

молний и даже банальной искры статической энергии между нами не пробежало, было заурядное, брошенное исподтишка подлое заклятие “рот на замок”, простое, как валяный сапог с табуреткой, но если не успел увернуться, самостоятельно не снять. Знал бы меня мастер-некромант получше, возможно, я и рассказала бы ему, что некоторая часть заклинаний на меня не действовала. “Рот на замок” как раз из таких. Никакой закономерности, логики или более-менее адекватной теории на этот счет не было. Не работающие заклинания определялись исключительно опытным путем, и папа, заведя в глазах банды целителей жажду знаний, не решился единственное дитя на опыты сдать, хотя я в детстве крови ему перепортила знатно.

Я решила, зачем человека обижать, старался же, потому перехватила лопату поудобнее, изобразила ожидаемую реакцию – недоумение и беззвучно-ругательное шевеление ртом – и потащила следом за Холином в ворота кладбища. Место последнего пристанища выглядело тихо и благостно.

Он опередил меня шага на два, ловко снял запирающую печать, одинаково ограждающую по ночам что живых от мертвых, что мертвых от живых, и вошел внутрь. Только шагнув за ним, я поняла, что некромант не просто отключил контур и собирался снова его закрыть изнутри с помощью временной надзоровской заглушки, он его разомкнул и удерживал в активном состоянии приподняв там, где мы вошли, как доску в заборе. Мать моя темный маг, вот это си-

лица. И ведь даже не моргнул, пока я, приоткрыв рот, некоторое время таращилась, как огибают меня темные тяжи силы, вместо того чтобы бодро следовать за наставником для выполнения долга.

“Зачем?” – вопрошали мои выразительно округлившиеся глаза, я же, вроде как, под заклинанием. Наверное, вышло достаточно красноречиво, потому что мужчина снизошел до ответа.

– Заявка 27-2а/2, – глумливо ухмыляясь, заявил он и уточнил, – гарпия орала.

– А причем тут вы? – не выдержала я, заговорив, и Холин только обреченно скривился. – Надо было в службу отлова звонить. Гарпии и прочая полумразумная нежить их сфера ответственности.

– Так с кладбища же! – мастер явно привел аргумент гражданки, обратившейся с заявкой уже второй раз, развернулся и двинулся вдоль ограды, намереваясь, кажется, обойти погост по периметру и тем удовлетворится. Я задержалась, хлебнув “ночного видения” из запасов в карманах, и уже готова была последовать за тающей в тенях спиной некроманта, как каменная горгулья на столбе у ворот встрепенулась, будто у нее от сидения спина затекла, и повернула ко мне голову.

Глава 11

Некромант лежал на мне, я на лопате, лопата на земле, земля приятно пахла травой и... землей. Над нами величественно – из такой позиции все казалось величественным – возвышался шиповник, усыпанный цветами. В просветах между ветвями плясали магические светлячки. Было очень романтично, почти, как на свидании, только лезла в рот трава и растрепавшиеся волосы, рубашка на груди неотвратимо отсыревала, черенок лопаты давил на ребра, а экипировка некроманта на поясницу, да и сам Холин был достаточно увесистым, чтобы я начала чувствовать дискомфорт от подобной близости и без всего вышеперечисленного. Это если выключить звук. Но выключить его отсюда было затруднительно.

– Гарпия, человекоподобная полуразумная нежить, в основном передвигается по воздуху, на земле медлительна и неуклюжа, размах крыльев до полутора метров, на лапах – длинные острые когти, с легкостью рвущие плоть, кожа иссушена, имеет мертвенно-серый оттенок, способна издавать мощный крик, дезориентирующий в пространстве. Класс опасности первый, редко – второй, – бормотала я, вполне уверенная, что за воплями твари меня не слышно.

– Минус, студентка Ливиу, – очень близко, можно даже сказать, интимно, раздалось над самым ухом. – Это не гар-

пия.

– Мастер Холин, – выдохнув, проговорила я, чувствуя, как взбудораженная инициацией ведьминская натура начинает замирать сердцем и пускать внутри уже упомянутых ранее бабочек.

– Да? – прокрался в ухо некромантский баритон, а я поняла, что волосы у меня на затылке дыбом встали.

От него исходил едва уловимый сладковатый запах бальзамирующего зелья и внезапно карамели с цитрусовой ноткой. Впрочем, вся одежда, в которой я хоть пару раз появлялась на занятиях в Академии, пахла почти так же, исключая карамель, – аромат некрофака был вечен и неистребим ни заклятиями, ни мылом.

– Мастер Холин, а вы не хотите?..

– Хочу, – сообщил он мне в затылок, и волосы опять дыбом встали, затем принялся сползать, остановился, – но не могу. – И добавил торопливо. – Мой кулон за твои волосы зацепился. Как считаешь, что будет менее травмирующим фактором: оставить тебя без пары десятков волос навсегда или меня без одного из служебных опознавательных знаков?

– Да слезайте уже, – процедила я и сама принялась изпод него выползать. По телу прокатилась вибрация. Некромант дернулся. Звонок магфона оказался для него такой же неожиданностью, как и для меня, и я поняла, что затылок лишился куда больше, чем пары десятков волос. Я взвыла. Холин внимал воплям дежурного, зато заинтересовалась бан-

ши. Замолчала, среагировав на мой голос.

Сквозь ветви мне было видно ее подсвеченную луной угловатую голову с выдающейся вперед челюстью на фоне совсем уже темного неба. Торчащие над редкими волосами острые вытянутые уши, прислушиваясь, повернулись в сторону подозрительного звука.

– ...на ты там возишься! Из Центрального прислали за тобой, в пригороде полкладбища встало и погулять ушло! – завопил магфон. Кажется, Холин, собираясь оборвать неурочный звонок, впопыхах надавил на громкую связь.

– Ловчих вызывай. Это банши, старая, и пузо мешком висит, похоже, у нее тут кладка.

– Ты сдурел? Кого я тебе сейчас вызову? Дежурная бригада в пригороде, из постелей мне их поднимать?

– Давай я быстренько сбегая и подниму? – вкрадчиво предложил мужчина. – Я умею, а ты покараулишь.

– Холин, мрак твой папа! – взвыл дежурный не хуже банши, но некромант с непередаваемым выражением лица оборвал звонок, утопил магфон в бездонном кармане служебно-го балахона и теперь тоже разглядывал нежить сквозь ветки.

Тварь нас не видела, а потеряв еще и источник звука, раздраженно подергивая лапами, топталась на верхушке столба, как курица на слишком узком насесте. И как я могла перепутать? У Гарпии нижние конечности почти как у кошачьих, только коленки вперед, а у этой были как у гулей, без шерсти, с длинными пальцами и невтягивающимися когтями. И кры-

лья не оперенные, а голые – широкие складчатые перепонки, начинающиеся внизу кривой спины и заканчивающиеся на локтевых сгибах.

– Отвлечешь ее.

– Как? – возмутилась я гневным шепотом. – У меня из разрешенного только лопата! И колдовать я сегодня не могу!

– А ты спой, – заявил он и вытащил из кармана две пары затычек для ушей. Одну мне протянул, а другие себе принялся вворачивать.

– А вам зачем?

– Дуэт банши и гарпии – это слишком. Давай. – И придал мне ускорения тычком в спину.

Я выскочила из кустов, запнулась о вросший в траву могильный камень, помахала руками, восстанавливая равновесие, разогнулась и поспешно запихала в уши выданный некромантом реквизит. Среагировав на мое эффектное появление, тварь раздула грудь для новой порции воплей. Передние лапы уперлись в камень, челюсть выдвинулась вперед, голова опустилась, пасть открылась...

– Кентавр русалку полюбил глубокой трепетной любовьюуу. – взвыла я по принципу “громко, значит хорошо”. – Он караулил у воды, цветы носил ей к изголовьюуу.

Не знаю точно, что там у меня выходило, я себя слышала едва-едва, но банши вид имела удивленный и дергала ушами, будто в них зудело, и норовила головой о плечи потереться. Я покосилась на Холина. Некромант стоял в полный

рост, зловещий и прекрасный, как неизбежное зло. За спиной мерцал рунный щит. Сложенные одна над другой ладони двигались будто Холин снежок лепил или скатывал шарик из теста, точь-в-точь, как Годица, когда галушки делает. Губы мужчины двигались. Он сделал мне глазами, мол не отвлекайся – отвлекай, и развел руки в стороны вызывая к жизни темный пульсар. Оooo! Я такое только однажды видела на полигоне Академии, где старший курс отделения боевой некромантии занимался перед турниром. Причем их жалкие светляки не шли ни в какое сравнение с этим идеальным, невероятно мощным, удивительно гармоничным и прекрасным творением моего любимого глубокого ультрамаринового цвета.

Тварь магнитом развернулась в сторону Холина, привста-ла, растопырявая крылья, пасть снова раззявилась. Вступили мы дуэтом.

– Кентавр и русалка, история эта случайно мне в сердце запала. Кентавр и русалка – хоть были и вместе, не пара, не пара, не пара, – что есть мочи заголосила я, сбивая банши с толку и взятой ею тональности и зажмурилась. Пульсар пронесся над головой, вызвав странно знакомые ассоциации. Отголоски рассеявшейся силы эхом отозвались внутри. Наступившую тишину я почувствовала – в ушах больше не свербело и не хотелось почесать череп изнутри.

Холин подошел бесшумно и выдернул заглушку у меня из уха, попутно лишив еще нескольких волос, и вручил мне

лопату. Банши лежала у ворот кучей тряпья, на впалой треугольной груди зияла дыра. Воняло падалью и гарью.

– Я справилась? – слегка хрипловато поинтересовалась я, наблюдая, как тает щит за спиной некроманта.

– Плюс за отвагу, минус за отсутствие теоретической базы. И... лопату ты держишь лучше, чем поешь, – сообщили мне.

Я зарделась от похвалы. Так могло показаться. На самом же деле меня просто распирало от возмущения, я набрала в грудь воздуха, как до этого банши, и... промолчала. Да чтоб мне провалиться, если я поведусь на подобную подначку.

Я недооценила либо силу мысли, либо прочность почвы, потому что последняя просела у меня под ногами, и мы с лопатой рухнули вниз.

Глава 12

На мне снова лежали. И лучше бы это был Холин, но увы и ах, не все чернокнижнику девственница.

– О, Мрак всемогущий, – простонала я, стряхивая со своей спины с десятков килограмм землицы и чьи-то основательно бренные останки.

– Мрак – мой дед, но я передам ему ваше восхищение при случае, – заявил из темноты некромант.

У меня в голове щелкнуло, и картинка сложилась.

– Никакой вы не однофамилец! Вы мне наврали!

– Да, – подтвердил он, – разве это что-то меняет?

– Вообще или применительно к данной ситуации? – уточнила я, отплевываясь и вытряхивая песок из-под рубашки и вообще из всего подряд.

– Применительно к ситуации вообще, – глубокомысленно изрекла темнота.

Видеть – я его не видела, но издевательская ухмылка рисовалась в воображении сама собой.

– Тогда ничего.

Меня все раздражало. Сначала Холин поиздевался, лопата эта дурацкая, потом банши, теперь вот в яме сижу. С Холином. Из-за банши. Лопаты не было – уже легче.

– А зачем вы сюда следом полезли? Не проще ли было меня сверху спасти? – Глаза начинали принаравливаться к

темноте, да и ведьмы все же ночью сильнее, чем днем, особенно, когда луна полная.

– Я просто собирался кладку поискать, а тут ты так удачно вход нашла, – заявил Холин и зажег светляка. И чего раньше так не сделал?

– Идем, – повелел отпрыск знаменитого семейства, направился к чернеющему в земляной стене пролому, не оборачиваясь, выщелкнул пальцами еще один светляк и добавил. – Лопату не забудь.

Я мысленно воспроизвела в памяти этапы зомбирования с конкретным подопытным и принялась копошиться в осыпи.

– Самодовольный заносчивый тип, – ворчала я, глубоко раздосадованная, что меня не сочли достойной спасения. – Кладку он хотел искать... Последнюю нашли лет двести назад. Вымирающий вид, один самец на полсотни самок. Лучше бы молчал, как раньше. Самец.

– Я все слышу, – донеслось из пролома.

– Ну и прекрасно, – буркнула я чуть тише.

– И это тоже.

– А я, может, не вам! – в голос заявила я, продолжая свое грязное дело, но лопата все не находилась, и я от досады пнула мешающиеся под ногами некомплектные останки.

– А если бы это была твоя бабушка, – раздался голос прямо за спиной.

– Я б возрадовалась! – искренне ответила я.

Да что ж сегодня все норовят мне бабку Лукрецию при-

помнить. Не иначе явится, старая ведьма, позлорадствовать на тему плодов учения. Я развернулась к некроманту лицом, под ногой скрежетнуло. О, вот и лопата!

Отвесила перед мастером поясной поклон и выцарапала инструмент, прижав к себе, как сокровище. Я за сегодняшний вечер к ней почти сестринскими чувствами прониклась, когда вроде и жалко, но до жути хочется запереть в чулане и выбросить ключ. Обмахнув меня полами балахона, Холин развернулся, и направился во тьму. В проломе висел зеленоватый светляк, такой же, как над моей головой, и там было не так уж и темно, но с таким лицом, как у глубокоуважаемого (ооочень глубоко!) руководителя, уходить только во тьму.

– Зачем вам вообще это надо? Дождались бы ловцов, наслаждаясь тишиной и лунной ночью... – спрашивала я сама у себя, потому что некромант меня игнорировал, уверенно шагая по довольно просторному ходу, по бокам которого кое-где проступала древняя каменная кладка и темнели провалы других коридоров. Кажется, под старым кладбищем был целый лабиринт. Как оно вообще целиком сюда вниз не ухнуло? – Или можно было бы в пригород, вас же вызывали и ждут.

– Там и без меня желающих прославиться полно. И с фамилией Холин тоже, – внезапно ответил он.

– Что ж вы так родственников не любите?

– А ты? – поинтересовался некромант, покосившись через плечо.

Что называется, не урыл, а закопал. Я отмолчалась. К чему случайному в моей жизни человеку подробности взаимной семейной нелюбви? А ведь, думается мне, так было далеко не всегда. Я даже уверена, что где-то глубоко (тоже ооочень глубоко) вредная ведьма меня любит. Любит же она своего единственного сына? Только брака с темной волшебницей так ему и не простила несмотря на то, что объекта раздора нет в живых уже очень давно.

Холин резко остановился перед разветвлением коридоров, а я, задумавшись, ткнулась в его спину. Лопата удивительным образом заплелась у меня в ногах, и чтобы не упасть, пришлось хвататься за мастера. Объятия случились внезапные и чуточку пикантные – руки соскользнули по широкой спине Холина надежно сомкнувшись на талии. Ну, почти.

– Говорил же – не хватать! Ты бессмертная? – утробным голосом, в котором слышался могильный голод и скрежет зубов, рявкнул Холин, и сквозь кожу на его лице проступили абрисы черепа, вместо левого глаза зиял провал с тлеющим в глубине синеватым огоньком. Некромант нечеловечески плавно повел головой, отвернулся.

– Пока нет, – ошалело проговорила я, совершенно забыв, что пару секунд назад мои руки были чуть ниже спины руководителя. Я даже лопату без напоминания подобрала. Хоть и держала ее теперь у правого плеча обеими руками полотном кверху и пошла дальше за мастером бочком на по-

драгивающих ногах. Хотелось бы думать, что это была дрожь восхищения, но инстинктивно я выбрала такое положение и расстояние, чтобы в случае чего было удобнее вломить.

Очередной проход все тянулся и тянулся. Камня по стенам сделалось больше, стало влажно, пахло прелью, плесенью, грибами и... да, этот сладковатый душок гниения органики не спутаешь ни с чем. Няшка Эмильен Нику, проводивший у нас практическое по степени разложения, самостоятельно изъяслял у всех пузырьки с отбивающим нюх зельем, а хитрецов, успевших глотнуть, пока очередь не дошла, антидотом напоил. А потом два часа на примерах объяснял, как без алхим-анализа, реактивов и амулетов определить, сколько времени с момента смерти прошло. По запаху. Зато после занятия у него значительно поубавилось поклонниц, выжили самые стойкие.

– Может уже определишься, наконец? – съязвил Холин, голос был почти нормальный, но оборачиваться он не стал.

– С чем? – на всякий случай уточнила я, продолжая держать стратегическую для замаха дистанцию.

– Снова бросишься с объятиями или быстренько лопатой тукнешь и сбежишь?

Затылком он видит, что ли? Хотя, если он сейчас частично в нематериальном мире...

– М-мастер Холин, – я старалась быть поувереннее, но вышло как вышло, – это боевая трансформация?

– Она самая. Боишься? – Меня снова осияли потусторон-

ним взором. Брррр.

– Нет, б-благоговею.

– Тогда почему дрожишь?

– З-замерзла, – честно ответила я, подземельная сырость давно пробралась под одежду, лопаткам было особенно неуютно.

– Скоро согреешься, – пообещал Холин, – почти пришли.

Хоть я уже и не держала лопату навскидку, но прямо смотреть на мастера остерегалась. Костяк просвечивал сквозь кожу, словно мышцы и сухожилия сделались полупрозрачными, плечи раздались, а руки стали длиннее и когтистее. Ухмылка обзавелась внушительным набором клыков. Жутик еще тот. Одно дело, когда ты точно знаешь, что это нежить или немертвый, то и воспринимаешь его соответственно, но когда из живого человека тьма смотрит, хочется подальше отбежать до того, как тебя жрать начнут.

– Что это за место?

– Старый город. То, что от него осталось. Если стенку поскрести, можно найти надписи и рисунки.

– Как вы тут вообще ориентируетесь?

– Тсс, – шикнул он и погасил светляки.

Коридор оканчивался очередным проходом, только в отличие от предыдущих в нем гнилушечно светилось, а еще скреблось, шебуршало и курлыкало, как если бы обычного городского голубя подрастили до размеров лошади. И... пахло. Источник воня был совсем рядом. В неверном свете было

видно, как размазавшийся в тених силуэт Холина, с приподнятой отведенной назад правой рукой и сложенными щепотью пальцами (из этого положения удобнее всего швыряться проклятиями и пульсарами) скользнул в проход.

Учитывая, что колдовать я сегодня не могу, оставаться одной в коридоре было капельку неудобно. Раздавшееся очередное “уррррр” тоже не способствовало спокойствию, но там был Холин, который колдовать мог. Перехватив лопату, двинулась следом. На что только не пойдешь ради зачета.

Глава 13

Я терпеть не могу городских голубей. Гули, в отличие от них, и то честнее – сразу за ноги грызут, без всяких реверансов и курлыканья. Наглые твари эти голуби, скажу я вам, и хитрые. Работают бандой, прикидываются придурками. Вы их глаза видели? Девственная чистота, ни единой мысли, а лапка между делом – шкряб, и упитанное тельце уже на пару сантиметров ближе. Булка есть? А если найдем? А с каким злорадством они разлетаются от тех, кто пернатую братию шуганул без подношения? Думаете, счастье с небес само по себе на шляпы и плечи падает? Я не отвлекаюсь, просто именно городские голуби мне в голову пришли, когда раскатистое “урррр-гл-гл-гл” отразилось от волглых стен пещерки.

Уставившийся на меня круглый желтый глаз с двойным веком украшал повернутую боком уродливую голову с прижатыми ушами и топорщащимся на макушке хохолком из серых влажных перьев. Такие же редкие перья венчали сутулые плечи. Тварь стояла на кривых когтистых ногах, кожистые крылья двумя грязными тряпками спадали до пола. Руки беспрестанно шевелились, оглаживая находящиеся поблизости яйца, больше похожие на икринки. В каждой, под полупрозрачной оболочкой, покрытой слоем слизи, словно биение сердец, пульсировали желто-коричневые огни. Мерз-

кий гнилостный запах исходил оттуда, из гнезда. А еще от самого банши. Он пошевелился, растопырил крылья, чтобы казаться больше. В узкую щель, рассекающую противоположную стену пещеры наискось, дохнуло ветром, а мои глаза съехались к переносице от непередаваемого амбре.

– Уррр-рра! – выдал он и, чтобы закрепить произведенный эффект, выдвинулся чуть вперед и растопырил леталки во всю ширь.

Тьма и все ее твари! Я зажала нос рукой и шарахнулась в сторону. Вот уж действительно сногшибательный мужчина. Банши, как голубь, глядя одним глазом, поцокал за мной, держась так, чтобы заслонить кладку. Он не бросался, не старался напасть, просто не пускал к гнезду. Защищал.

Кстати, о защитниках. Где надежда и опора 2-го Восточного мастер-тьма-Холин? Опять меня на передовую, а сам в засаду? Под потолком флуоресцировал не то мох, не то какая-то плесень, пульсировали яйца-икринки... Я плюнула на осторожность и намагичила слабенький желтоватый светляк. Обзор это не сильно улучшило, а резких густых теней стало на порядок больше.

– Уррр-хшшш! – среагировал банши на появление светляка, в неверном свете фигура твари казалась гротескной, больше похожей на кривую картинку из древней книжки про нечисть.

Он же вроде дальше был? Или показалось? Пасть распахнулась, задергалась грудь и кадык на тощем горле.

– Хш-хш-хш!

В ушах засвербело, в глазах на мгновение поплыло, тварь, стоявшая в трех метрах от меня, вдруг оказалась совсем рядом сбоку...

Бздынь! Руки сработали раньше мозга. Вибрация от удара пробежалась по черенку и отдалась в пальцах. Банши затащил глаза пленками и рухнул. Выступивший из тени некромант взмахнул руками, развеивая белесые ленты непригодившегося заклятия, добыл из ушей беруши и, не глядя, сунул в один из карманов. Вид у него был озадаченный.

– И не стыдно вам, студентка Ливиу.

– Мне? – возмутилась я.

– Реликтовая тварь, а ты ее лопатой, – задумчиво произнес Холин, сплел средний и указательный пальцы крестиком, поджав остальные, крутнул запястьем и валяющийся в глубоком нокауте банши оказался спеленут тонкими черными нитями. Сверху шлепнулся выуженный из кармана артефакт, расплзшийся поверх еще одной ловчей сетью и надежно зафиксировавший челюсть. Теперь точно не запоем, даже если очнется.

– А вы, я смотрю, любите ловить на живца, – вкрадчиво проговорила я, наблюдая, как мастер пускает под потолок пещеры десятков светляков. Ведьминская натура бунтовала и требовала устроить скандал, вот прямо сейчас и немедленно. Пальцы сжались на черенке.

– Так же, как и вы, мисс Ливиу.

– Вы о чем? – слегка опешила я от того, что Холин уже второй раз за вечер вспомнил о вежливости и перестал фамильярно тыкать. Возмущен и негодует? Да ладно!

– Я об утренних расшаркиваниях и предпочтениях от начальства. – Он как раз подобрался к кладке и вдумчиво рассматривал одно из яиц. С ладони, которую некромант держал над оболочкой, сочилось темное марево.

– Думаете, полежали с девушкой в кустах, значит имеете право интересоваться, кто ее утром домой провожает?

Заклинание сбилось, зародыш внутри яйца задержался, а у меня к горлу подкатило. Холин удивленно посмотрел на мою перекошенную физиономию, злорадно ухмыльнулся и поманил.

– Сюда иди.

– Зачем?

– Я обещал, что ты согреешься.

В гнезде оказалось больше двадцати яиц. Следующие полчаса мы с лопатой усердно трудились, протыкая плотные оболочки и отсекая лысые серые головы практически сформированным зародышам. Сначала мастер беззвучно шевелил губами, окутывая яйцо туманом, потом вступала я со своим орудием убийства. Где-то после первого десятка мой пустой желудок попытался вывернуться наизнанку, тогда Холин сжалился и протянул носовые фильтры – технологичный аналог зелья, отбивающего обоняние. Дышать сразу стало легче, даже в голове прояснилось. Теперь понятно, поче-

му ему начхать на эту запредельную вонь, которую, казалось, даже пощупать можно. Щель в стене совершенно не спасала. Когда титанический труд был завершен, я, взобравшись на груды камней, приникла к пролому вплотную, просунула наружу гудящие руки и положив голову на прохладный камень с упоением втягивала сладкий воздух и носом, и ртом.

Глаза норовили закрыться. Я искоса наблюдала за некромантом. Он тщательно насыпал вокруг гнезда оранжевым порошком-нейтрализатором, запирая внутри круга эманации смерти, затем принялся монотонно читать упокоение – все же банши относились к полумразумной нежити, а значит, имели зачатки души. Руками он словно клубок сворачивал, и мне казалось, что невидимые нити тянутся от каждого уничтоженного яйца к его пальцам. Тьма снова глянула сквозь лицо Холина, но больше не казалась жуткой. Или я просто так устала, что бояться было глупой тратой остатков сил. Чтобы не уснуть, я повернулась к некроманту лицом.

Мастер закончил бубнить, резко сжал ладони, между ними вспыхнуло, резанув по глазам, я рефлекторно отшатнулась. Камень, венчавший пирамиду, взбрыкнул, вывернулся из-под моих ног, увлекая за собой остальные. Хлопнуло, дуло, меня потоком отнесло в сторону. Не удержавшись на ногах, я шлепнулась, отбив копчик. Поднялась.

– Отошла, – рывкнул Холин, и я запнулась на полушаге.

– К выходу, быстро, – теперь уже спокойно, но после этих его слов, я отбежала подальше едва ли не быстрее, чем успе-

ла об этом подумать. Однако на этом и все. Смотреть он не запрещал, и я смотрела во все глаза.

Что там такого ужасного, видно не было, но мастер аккуратненько, приподнял и отодвинул в стороны все камни, не касаясь их руками. Он еще и телекинетик! Есть вообще что-то, что он не может? Затолкав чувство неполноценности поглубже, попыталась пробраться, чтобы посмотреть.

– Сказал же, не лезь.

– А что там?

– И молчи.

Повинуясь его жесту, светляки с потолка собрались у стены со щелью. Некромант молчал и смотрел на что-то, что раньше пряталось под камнями. Потом полез за своим магфоном.

– Дан, – сказал он без приветствия, – вы скоро? Хорошо. Вызывай инквизицию. Код ноль. Схема на полный круг. Без перерождения. Одна жертва. Долгоживущий. Эльф.

Глава 14

Я занималась тем, о чем мечтала до этого: наслаждалась тишиной (относительной) и лунной ночью. Ловцов мы ждали не долго. Они явились оравой из двенадцати разнорассовых лиц и сразу сделалось шумно и не страшно. Банши, который к этому времени пришел в себя и жалобно поскуливал, ерзая в двух слоях пут, буднично упаковали в специальный отсек в магмобиле ловцов. Сие транспортное средство величиной с рейсовый магбус стояло почти впритык к воротам кладбища. Водитель, коренастый симпатичный крепыш с явной примесью орочьей крови, курил и время от времени мне подмигивал. Или просто у него нервный тик был. Меня так вообще колотило по началу: замерзла, ухахалась, еще и находки одна другой краше. Там одного гнезда с выводком на двадцать с чем-то особой с лихвой хватило бы.

Когда всякое, что подпадало под тайну следствия, из пещеры, тщательно упаковав, утащили, а само место происшествия со всех ракурсов засняли и записали километры данных на информ-кристаллы, Холин разрешил мне посмотреть. Не так уж я и впечатлилась, правда, до этого знаки Изначальной речи мне доводилось видеть только в древней бабкиной книге, а не вот так вот выцарапанными на идеально-круглом, будто впаянном в камень пола обсидиановом диске около двух метров в диаметре. Я даже не поленилась

нагнуться и потрогать, что сам диск, что край, где он стыковался с обычным камнем. Перехода не было. Я глянула на мастера и тот ответил на мой еще не прозвучавший вопрос.

– Верно, камень спекся в стекло. Когда круг активируется, энергии внутри настолько много, что происходит спонтанная трансформация материального носителя. Жертву помещают в уже активный круг. Не стоит, – и я отдернула руку, которую потянула к ближайшему знаку. – Луна почти в зените, а ты ведьма, инициированная, пусть и инициации твоей, – он, прищурившись, глянул куда-то поверх моей головы, – от силы, сутки.

– Какое это имеет значение?

– Все черномаги – в некотором роде ведьмы. Смеси, вроде тебя.

Холин стоял, сложив руки на груди и мерцал на меня глазами. И мне не нравилось, как он на меня смотрел. Этак задумчиво, словно пазл в голове складывал. Я поднялась и потопала наружу. Заплутать не боялась – ловцы повесили светячков, и в подземелье было светло, как днем, только топтать было далеко и холодно.

Наверху добрые люди-нелюди укутали дрожащую меня в одеялко и дали термос с чаем. Мне велели где-нибудь присесть и подождать, пока взрослые дяди решают суровые мужские дела. Закатывание глаз встретили дружным ржачем, а я устроилась на чьем-то надгробии. Старый каменный столб со стершимся именем подпирал спину, чай согревал изнут-

ри, и противная дрожь покидала тело. Водитель мобилия снова подмигнул. Точно тик. Какой нормальный парень будет строит глазки умотанной в одеяло девице, мрачной и лохматой, как оборотень, сидящей на надгробии с прислоненной к нему лопатой. Ну, не могла я ее там оставить после всего, что с нами было. Да и Холин напомнил. Представляю, как бы я выглядела, если бы он меня еще и копать заставил, как обещал. Копали двое ловцов. Они зафиксировали на магфоны и кристаллы павшую до моего удачного провала банши и там же, почти у ограды, ее и зарыли, обильно посыпав останки и место погребения нейтрализатором. А на краю кладбища отыскался еще один вход в пещеру, наверняка, куда более темный и холодный, потому что все продолжали шастать через проторенный мною лаз.

Про меня, кажется, забыли, но это и к лучшему, потому что выбравшиеся из дыры в земле некромант и вампир Дан, старший в команде ловцов, говорили об интересном, в которое вряд ли стали бы меня посвящать.

– Тебе не нагорит, за то, что потревожил церковную элиту среди ночи еще до того, как на место доехал?

– Во-первых, я тебе доверяю, а во-вторых, был уверен, что они доберутся сюда гораздо позже нас. А ты самца банши “тараном” приложил или “биты” хватило?

– Хватило практикантки с лопатой.

Вампир ржал, похлопывая себя по ляжкам. Долго и со вкусом. У меня прямо руки зачесались показать, как исполь-

зовать лопату по назначению.

– Из училища прислали? Боевая!

– Из НАМ.

– Тю, там же одна золотая молодежь. Она хоть темная?

– Ведьма. Я, не спавши двое суток, только из Туле, после поднятия с допросом на останках недельной давности, еще и перед сменой дернули. Сам уже как зомби. Ждал парня-стажера из училища в Смааре, документы даже пришли. А тут заявляется это нечто на грани истерики.

Холин потер виски и на глаза надавил. Знаю этот прием, не раз выручал на дежурстве в морге, когда спать хочется до потери сознания, а вокруг еще спокойно и тихо, как в могиле, так и тянет прилечь.

– Сочувствую. И кто тебя так... отлюбил?

– Да уж догадываюсь, откуда уши растут.

– Слушай, что он на тебя так неровно дышит?

– Что б я знал.

– Так спросил бы, эльфы на прямой вопрос всегда отвечают. Пунктик у них какой-то на это счет.

– У них на все пунктики, не ступить. Чувствую, прибавится у нас в городе нездешней красоты из-за всего этого. По отклику – жертва явно чистых кровей.

– Зачем только...

– Кладку они растили. Причем очень быстро. Сам же видел – скорлупа сформироваться не успела, а зародыши созрели. Им от силы пара дней оставалась, и был бы у нас под

боком геморрой похлеще сегодняшних загородных плясок. Знаешь, что там?

— Еще бы, я сам там был. Иначе демона лысого ты бы меня вызвал. Мы уже обратно вернулись, из машины выйти не успели, когда маяк сработал. На вот, кстати, взамен. — Ловец протянул что-то Холину и тот рачительно спрятал презент в карман. — А в пригороде мутно все как-то. Немертвые это были, а не упыри, как по магнету раззвонили. Только зря мотались. Брата твоего видел и отца. Старик проигнорил, а Ясен спрашивал о тебе.

— Ну и? — некромант снова потер глаза.

— Сказал, что не видел тебя пару месяцев. На, глотни. Да не “ред-бульк” там, чай травяной, чтоб не спать, я ж тоже после смены.

“Ред-бульком” вампиры прозвали коктейль из суррогатной крови и всяких нужных минералов и витаминов, который можно было купить в любой аптеке на перекус. Они вообще были ребята задорные, слегка ироничные и любили поржать что над собой, что над окружающими. Особое удовольствие им доставляло прикалываться над своими гастрономическими пристрастиями в адрес “теплокровных”, хотя сами имели температуру тела всего на 10 градусов ниже, чем у человека.

— Может я пойду? Что мне тут торчать? Записали все, следы сняли, ребятки твои полпещеры на образцы разобрали и маркерами утыкали, а когда этот церковный хмырь явится,

еще не ясно. Мне вон практикантку еще караулить до утра.

– На измор берешь? Банши на нее от гнезда выманивал? – заржал вампир. – Небось и некроформу свою показывал. Впечатлилась?

– Угу, лопату перехватила, чтоб бить удобнее было. – Холин сделал глоток из предложенной Даном фляги и плечами передернул. – И не заткнуть. “Молчанка” ее не взяла. Лезет везде, хоть привязывай.

– Так и привязал бы, глядишь, понравится. Обоим. – И опять ржет.

– Шутки у тебя... Только не ляпни нигде, мне еще с Ливиу разборки не хватало. Где она, кстати?

– Да вон, позади тебя, на могилке сидит. С лопатой. Давно.

– Дан, ну ты и...

– Вампир?

– Скотина, – с чувством выдал Холин, чем вызвал очередной приступ хохота, и повернулся ко мне. Подошел, помолчал, пронзая взором. Я поднялась. – Добро собери и в машину.

Я, тоже молча, придерживая одеяло на манер плаща, подхватила лопату и направилась к распахнутым воротам со снятым охранным контуром – ходи не хочу. Некромант пристроился в кильватере.

– Эй, Холин, – окликнул мастера неунывающий Дан. – Пусть Генци вас отвезет. Нам все равно еще тут торчать. Ты ж сейчас вырубись, а у тебя ведьма боевая.

Как там мастер на приятеля реагировал, я не интересовалась, но, когда он полез на заднее сиденье, а за руль забрался тот самый с дергающимся глазом, я была рада. Бодрый водитель, пусть и с тиком, лучше, чем умотавшийся до полусмерти некромант.

– Мастер, – я вдруг вспомнила, что кое-что не спросила.

– Ну? – отозвался мужчина, его затылок лежал на изголовье сиденья, глаза были закрыты и вокруг них снова пролегли тени.

– А как вас зовут?

– Марек, – буркнул он, – Свер Марек Холин. И, пожалуйста, помолчи.

“Пожалуйста” из его уст меня добило, и я заткнулась. Где-то в дороге я выключилась и очнулась только когда Годица, причитая, помогала подняться по лестнице наверх ко мне в комнату.

Междуглавие

Эльфик был такой миленький, что она не удержалась и чуть-чуть его попробовала. Колдун орал и слюной брызгал, обзывал нежитью, глупой дурой и еще по-разному, она не запомнила, ей сложно было долго помнить слова. Но когда колдун велел запоминать, она старалась, даже если начинала голова болеть. Так случалось, если тело не подходило. Это не подходило. Оно плохо держало силу и от этого все время хотелось есть. А эльфик такой светленький, и у него много было, она совсем чуточку взяла. Если б колдун не вернулся раньше обещанного и не застал, ничего бы и не узнал. Что уж теперь... Ему же ничего не стало, поспит немножко и все, а она колдуну еще приведет. Кого скажет, того и приведет. Она же послушная. И не нежить. Какая же она нежить, она вполне себе жить. Живет же? Значит жить. Просто другая немножко. Кому-то для жизни хлеб нужен, кому-то кровь, а ей просто энергия. У колдуна ее много, но плохая, темная, *с другой стороны*. На *другой стороне* страшно, она не хочет обратно на *другую сторону*. Там света нет, а она жить хочет. Поэтому сделает все, как колдун скажет, а он за это ее здесь оставит и еще тело найдет, когда это испортится.

Это тело было неудобное, маленькое, она в него едва-едва влезла. Предыдущее больше было и лучше, но колдун сам его сломал. Оно ему нравилось сначала, то тело, а потом на-

доело и он сказал, что так совсем не пойдет, когда она второй раз без никого вернулась, и сломал. Тело стало холодное, и она из него выпала. Была бы совсем голодная, сразу бы на *другую сторону* провалилась. Два дня была без тела или больше, считать тоже было сложно. Потом появилось это маленькое неудобное тело. Колдун сказал, что так безопаснее и мне все поверят. Сказал, потерпи. Она и терпела, сколько могла. Иногда на крышу приходили греться звери, они были внутри теплые, и она брала немного жизни у них. У зверей было много жизней. Колдун сказал, что зверь зовется кошка и поймал ей одного. У колдуна кошка шипела, а у нее нет и теплом делилась, сама, даже просить не надо было и отбирать.

У первого эльфа колдун сам велел взять немного, чтобы тот сделался послушным и привести. Она так и сделала. Колдун сразу обрадовался, а потом нет. Сказал, что этот неправильный... нет, неподходящий и что-то про кровь, но на первый раз и такой сгодится. Второго она через один и два дня привела, правильного. Так же, как и первого. Колдун отвез ее в город, где много деревьев и трава, и цветы. Ей нравились цветы, очень. Колдун сказал, хорошо, эльфам тоже цветы нравятся. И сказал привести.

Второй в доме пробыл столько, сколько на двух руках пальцев, если два спрятать. Она ему воду носила и яблоко. Он все просил помочь и куда-то идти, но ей было сложно запомнить куда и зачем. Она хотела, правда, только забыва-

ла, куда идти. Потом колдун велел у эльфа жизни немного взять и увез насовсем. Ей было жалко, она привыкла ему носить воду и яблоко. Он называл ее девочка и печальными глазами смотрел, ей нравилось. Колдун никогда ее так не называл, только тварь, нежить и глупая дура. Заставлял из кружки пить белое, она забыла что. Ей не нравилось пить, она не умела хорошо глотать, и одежда становилось мокрая. А телу не нравилась мокрое, и колдун опять ругался. Почему он ругается все время? Она же послушная. Вон какого эльфа привела. Такой хорошенький. Глазки красивые и волосы так блестят, как лунный свет. Пусть бы колдун его ей оставил, она бы его сама кормила. Она уже знает, как. Нужно воды и яблоко. Можно еще того, которое белое.

Молоко! Белое называлось молоко. Колдун говорил – телу нужна еда, чтобы жить. Она привыкнет. Уже почти привыкла и научилась. Даже запоминать научится. И говорить сама, а не то, что колдун ей в голову вложит. Она пробовала говорить слова сама, но получалась ерунда. Она не знала, как их правильно собирать. Только когда колдун помогал. Или повторять. Повторять было просто. Зато она могла думать громко, так, чтобы слышно было. Все слышали, а эльфики нет. Эльфикам надо было говорить. Тогда они слышали и улыбались. Они хорошо улыбались.

Колдун хорошо придумал это тело выбрать. Пусть и неудобно. Она потерпит. И вовсе она не глупая. Если она помнит плохо, это не значит, что глупая. Просто она голод-

ная. Вот когда колдун нужное дело сделает, он ее отпустит, и тогда она будет сама по себе жить, и обязательно кошек возьмет, чтобы тепло и много жизней. У эльфиков тоже много. Даже у всех кошек, что на крышу приходят, столько нет. Вот сейчас отнесет еще воды и рядом посидит. Колдун уйдет спать, а она с эльфиком посидит. Можно волосы потрогать. Колдун сказал, что уйдет завтра ночью и его заберет. Жалко. Сказал, надо именно завтра, а то не успеет. А что не успеет – она забыла. Зато вспомнила, куда второй просил идти, в какой-то надвзор. Но она не знала, что это. Зато вспомнила слово. Это хорошо. Значит, когда будет удобное тело, она сможет быть, как другие. Запоминать. Говорить словами. Пить молоко, чтобы одежда была не мокрая. Ходить туда, где цветы. И чтобы были кошки. Она не хотела больше брать силой даже у эльфиков. А кошки отдавали сами.

* * *

Даллине шел по парку в расстроенных чувствах. Все складывалось не очень удачно и ему придется в скором времени вернуться в Лучезарию к родителям. Маэстро ему оказал в стажировке, хотя у него техника очень хороша. Это все папа и его уроки фехтования. Руки стали слишком грубы для нежных струн и ни дополнительные уроки, за которые пришлось платить из своего кармана, ни мамины связи не помогли продвинуться дальше первой десятки. А теперь вот куда? Куда он со своей Академией культуры? По ресторациям выступать? Тогда уже лучше домой.

Под ноги упал цветок, и Даллине его поднял совершенно машинально и только потом увидел на скамейке хорошенькую девушку-полукровку, совсем юную, почти девочку. Она плела венки и цветы уронила. Большие влажные глаза, будто она только что плакала. А может и плакала. Уже вечер, и стемнеет скоро, и в парке уже почти никого.

– Добрый вечер, милая. Что ты делаешь здесь совсем одна?

– Добрый вечер, уважаемый. Я потерялась. Подружки позвали гулять и бросили. Я недавно здесь и не знаю города. И у меня нет с собой магфона. Там номер бабушки, его я не помню на память. Почтенный страж в форме надзора оставил меня здесь его подождать и все не идет.

– Куда тебе нужно? Я могу проводить.

– Мне нужно на улицу Звонца, дом с зеленой крышей, он слева, второй от фонтана.

– Это совсем рядом. Идем.

– Спасибо. Можно я возьму вас за руку?

Даллине кивнул, прохладные пальчики нежно коснулись его руки, а большие фиалковые глаза с серебристыми искрами смотрели так призывно и будоражаще, что обычно сдержанный и воспитанный эльф завороченно склонился к приоткрытому роту, но коснуться не успел. Девушка глубоко вдохнула, Даллине моргнул, счастливо улыбнулся и послушно пошел следом, держась за тонкие пальчики.

Черномаг встречал у двери не один. С ним был еще кто-

то в глухом плаще.

– Хорошая мавка, – сказал колдун. – Этот подойдет лучше всего. Отведи его на чердак.

Нежить в теле девушки повиновалась, увлекая замороченного эльфа за собой.

– Снова будете экспериментировать? – голос скрытого плащом незнакомца, красивый и мелодичный, был язвителен и нагл.

– Зачем? Эксперименты закончены. Схема отработана. Кладка созреет сама и при должной сноровке твари сгодятся на еще один отвлекающий маневр. Или вы наивно полагаете что система магического сканирования не среагирует на темный всплеск? Нам в любом случае нужен противовес, чтобы отвлечь надзор. А ловить выводок банши это достаточно шумно и ресурсозатратно. Вы узнали, что это была за девица?

– Она не опасна и ничего не вспомнит. И, в случае чего, тоже сгодится как отвлекающий маневр.

Часть 2. Технология копки упыря.

Глава 1

– Это шутка такая?

Завтрак, он же обед, был испорчен. Я мрачно взирала на два конверта, поданных мне к чаю вместе с десертом. На одном красовалась печать магистрата, на втором – родимой Академии. Покровы тайн я срывала ножом для масла. Магистрат возвещал о необходимости пройти регистрацию, обозначится в реестре ведьм, получить свидетельство об инициации и скромненько напоминал, что в конце недели состоится ежегодный благотворительный бал, где меня желают лицезреть. Приглашение лежало там же, чуточку пострадавшее от ножа. Казалось – розоватый плотный прямоугольник кто-то надгрыз со стороны печати не слишком чистыми зубами.

Академия сухим канцелярским слогом (неудобоваримее для глаз и языка только экзорцизмы изгнания неживых) сообщала, что мне, как инициированной ведьме, надлежит пройти дополнительный курс управления силой, без которого я не смогу получить свидетельство. Далее шли пункты законов с указаниями страшных кар за просроченную регистрацию о смене магического статуса. К письму прилагалось расписание занятий. И все они были утром.

Я подняла еще слегка красные от недосыпа глаза на автора кулинарного шедевра. Отец невозмутимо наслаждался кофе из малюсенькой фарфоровой чашечки, отгородившись от меня планшетом и, судя по дергающимся бровям, внимал утренним новостям Нодлута.

– И зачем?

– Что зачем? – отозвался папа.

– Можно было и повременить, пока диплом не получу.

– Твою инициацию магсканы зафиксировали, как пробой 3-й категории, информация пошла прямо в статистический отдел надзора, а вечером я имел неприятную беседу с замглавы на тему “Ливиу занимается опасными экспериментами в черте города”.

– Пусть свой магскан лучше проверят, – буркнула я, чай остыл, аппетит пропал, настроение тоже, – откуда там 3-я?

– Я так и сказал

– Ну и? – Не понимаю, как папа в магистрате на собраниях речи толкает, если дома из него все надо клещами тянуть.

– Проверили. Причем в последний раз при мне.

– И?

– Сможешь выкинуть свой диплом на помойку и пойти учиться заново. Как нормальная ведьма.

– Спасибо, дополнительные курсы меня вполне устраивают.

– Знал, что мы договоримся.

Я выбралась из-за стола с самым решительным видом.

– Куда? – спросил родитель.

– В Академию.

– Что у тебя за дела с Холином?

Я запнулась о порожек в дверях столовой. Вообще, об него все запинаятся, но сейчас я не от невнимательности. Обернулась. Папа смотрел поверх планшета строгим глазом и брови хмурил скорее озадаченно, чем сурово.

– Он тебя под утро домой привез. Опять свидетельство-вала? – Издевается, однозначно.

– Нет, ну что ты, на этот раз принимала самое непосредственное участие в первых рядах.

– Митика...

– Он мой мастер-куратор по практике.

– Ты... ты в Новигор ночью ездила? – папа, видно, знал о происшествии в пригороде что-то такое, что обычным гражданам знать не положено, и это что-то его беспокоило. – Холины были там.

– Нет, я в другом месте ночь провела и с другим Холином, – прозвучало двусмысленно, но папа подозрительно успокоился.

Значит, инцидент на старом кладбище в массы не пошел, и даже в узких кругах о нем не всем известно. Инквизиторы спрячут дело под горой грифов и будут тихонечко рыть. Не удивительно, если информация о жертвоприношении распространится, будет скандал и фонтан общественного мнения. Очень, однако, удачно и вовремя немертвые решили по-

гулять.

– Не советую, – вдруг сказал папа.

– Что?

– Холин. Не советую. Уж лучше эльф, – папа отложил планшет и складочку между бровей потер, изо всех сил стараясь выглядеть лояльнее. – Сейчас уже совершенно не важно, кто поучаствовал в... изменении твоего магического статуса. Сделанного не вернешь, но с Холином ограничься, пожалуйста, рамками учебной программы.

– Пап! – возмутилась я подобным мнением о моем моральном облике. – Я, вообще-то, пока еще девица!

Второй советник и магистр Йон Тодор Ливиу был удивлен и раздосадован, потому как считал, что слышит из уст дитяти откровенное вранье.

– Не верю, – безапелляционно заявил он, а я обиделась. Очень.

– Можшшет мне тебе сссправку от целитсселя принесссти?

Ой, тьма, это я сейчас вот так шиплю? А что это такое синенькое по бокам мельтешит, как светляки?

Папин щит спеленал меня не хуже мокрого покрывала. Я проморгалась от синих пятен в глазах и покосилась на свои руки. В какой-то момент мне показалось, что они с когтями.

– Всё? Успокоилась? – поинтересовался папа, по-прежнему не выходя из-за стола. Его волнение выдавал только приоткрытый шире обычного второй глаз, светло-зеленый. Из-

за давней травмы, полученной в тот страшный день в Иль-Леве, когда не стало мамы, веко наполовину скрывало ведьмачью зелень. Глаз был незрячий для внешнего, но магические потоки папа им видел не хуже, чем здоровым серым. Вообще, разноглазие было отличительной чертой Ливиу. У бабки Лукреции, к примеру, один карий, а второй желтый, как у совы. В сову она и обращалась, в болотную. Стойте, это получается, что я тоже теперь буду кем-нибудь? Что-то мне не хорошо...

– Мика?

– Не-не, все-все, я пойду.

– Сам тебя отвезу.

После того как папа оставил меня на крыше, на площадке для воздушного транспорта, я еще несколько минут пыталась выковырять из ушей выбившийся туда ветер. А если считаете, что ветром не может уши забить, то вы просто с папой на летали. Никогда не понимала этой его любви к подобному способу передвижения. Быстро, не спору, но правил раза в два больше, чем для наземного транспорта. И потом, мне нравятся магмоби́ли, особенно феррато, хищные и красивые. К тому же у нас воздухом не всегда доберешься из-за блуждающего х-поля, которое на снимках выглядит, как белесое пятно. Его так и зовут все – Пятно. Там любые заклинания срабатывают не так, как положено, а совершенно непредсказуемым образом. Такая вот аномалия после инцидента в Иль-Леве. За пределы Нодлутского королевства она

не суется, чаще всего торчит над Бездной пустошью. Может висеть на одном месте неделями, а может мотаться, как дурной гном на распродаже. И ходит как раз на уровне движения воздушного транспорта. Это штиверийцы летают на чем только можно, а в Нодлуте в основном магмобили. Бабка Лукреция, ярая любительница метелок, как раз в Штиверии теперь и живет, тьфу-тьфу. Опять вспоминает. Еще и приснилась в совином своем обличье.

Ноги привели в родное крыло факультета некромантии и остановились в холле, когда я вспомнила, что мне к ведьмам надо. Интересно, будет там кто в послеобеденное время, кроме секретаря? У нас вон только аспиранты и бедолаги с пересдачами с унылым видом по переходам шарахаются и меня обходят по дуге. Им моя прическа не нравится или жизнерадостная физиономия еще большее уныние нагоняет? Торчащие во все стороны после покатушек с папой волосы я сразу спрятала под капюшон куртки, но он сползал на глаза вместе с торчащими волосами, пришлось снять. Мало ли от чего у девушки волосы дыбом? Зато никто с дурными вопросами не лезет.

– Мика! – раздалось позади и меня обняло облаком приятного, словно кто-то по коже перышком водил.

Я развернулась и радостно облапила приятеля.

Глава 2

Кажется, Геттар слегка смутился моего порыва, так-то я раньше к нему с объятиями не бросалась.

– Миленько выглядишь, – сообщил он явно намекая на волосы.

– Ты тоже, – не осталась в накладе я.

Геттар был без обычного для него капюшона и даже не в маске. Вот теперь и я слегка смутилась, припомнив что маску, что наши гардеробные эксперименты с поцелуями, но ненадолго. Меня отвлек облик феесирена, менее дисгармоничный, чем я помнила. Красивый с небольшой горбинкой нос, и выдающийся вперед подбородок – это от фей. И оливковый оттенок кожи. И тяжелые веки. А вот сами приподнятые к вискам глаза, и форма их, и цвет, темный, почти черный синий, – от сирен. Скулы четкие, резкие, высокий лоб и прижатые, чуть вытянутые вверх уши. Цвет волос, серый, но не тусклый, а похожий на темную осеннюю воду, – тоже от сирен. Я так пристально его разглядывала, что парень потянулся рукой к капюшону.

– Брось, чего я там у тебя не видела. Слушай, а ты, кажется, похорошел. Пластика, или у вас это возрастное, как у лебедей, пока птенчик – так себе, а вырос – красотун?

– Твоя тактичность не знает границ.

– Угу, а мне, по сути, не положено быть тактичной. Я те-

перь настоящая ведьма, оказывается.

– Это не я, – отшатнулся Геттар.

– Ясное дело, не ты, ты же меня, коварный, нагло бросил. Кстати, а что ты тут делаешь? Ты же на моря собирался, к папе.

– Обойдется папа, – отозвался парень, хоть он и глушил голос, но так и подмывало подойти к нему поближе. Вельта была права, на меня еще как действовало. Выходит, что когда она была рядом, ее вампирья сущность каким-то образом работала как нейтрализатор, по крайней мере частично. Общались же мы с Геттаром нормально во время учебы.

– Я в аспирантуру документы отдал к твоему обожаемому Эмильену.

– А стажировка как же? В Центральном? Тоже мимо?

– Мне разрешили совмещать, как аспиранту магистра Никку, который сам у них на полставки в аналитическом.

– Ваал, все в теормаг ударились, одной мне придется жезлом махать.

К слову, я свой ведьминский жезл едва нашла. Папа настоял с собой взять несмотря на то, что мне нужно было только расписание согласовать с учетом моей полуночной практики. Теперь оный инструмент торчал во внутреннем специально предназначенном для этого косом кармане, но все равно тыкался куда ни попадя.

Геттар посмеялся над моими ужимками и меня снова обволокло перьями, на этот раз куда сильнее, а сам он придви-

нулся ближе и загадочно мерцал своими невозможными глазами. Меня тянуло коснуться его лица, прямо пальцы закололо.

– Слушай, а ты не можешь харизму свою прикрутить на минимум? попросила я.

Парень отвел взгляд, словно нехотя повозил рукой под рубашкой, и на что-то висящее там надавил.

– Исключительно ради нашей дружбы. У меня от него в ушах звенит. А ты зачем здесь?

– А я и не здесь. Вернее, не сюда. Мне на ведьмачий. Доп. курсы на утро поставили, а я по ночам... практика у меня.

– Так тебе к Грымзе? А она только вниз спускалась, я ее на лестнице видел.

Я рванулась к выходу с этажа догонять Гризельду Зу-Леф, замдекана факультета природной магии, самого большого в Академии факультета, с отделениями ведьмачества, целительства и травничества.

Геттар нагнал меня пролетом ниже и сцапал за капюшон.

– Вот же ненормальная. Она во внутренний двор пошла, к оранжерее, слышал, как с секретарем в коридоре говорила.

– Студент Та-Ирен, что здесь происходит? – спускающийся по лестнице магистр Нику, должно быть застал странную сцену: Геттар держал меня за капюшон, а я хваталась за воротник куртки, который меня, капельку придушил.

– Ничего, профессор, – парень выпустил меня, я кашлянула и расстегнулась. Это наверху в небе куртка была необ-

ходимостью, а здесь в ней было даже жарко, особенно под пристальным взглядом Нику.

Подсвеченные солнцем из окна глаза Эмильена были бесподобны, волосы отливали темным серебром. Я залюбовалась и невольно сравнила их с Геттаром. Занятно, но сейчас идеальное в плане пропорций и гармонии лицо магистра некромантии показалось мне менее привлекательным, чем несуразность черт друга.

– Мисс Ливиу, вы в порядке?

– В полном. Я пойду?

– Идите, – кивнул он, – а вы, Геттар, со мной.

Эмильен опустил руку на перила, на пальце блеснул изумрудный блик. Что-то мне это напомнило, но вспоминать было некогда, следовало изловить мадам Зу-Леф до того, как она закончит с делами.

К собственному удивлению, с Гризельдой мы договорились буквально с полуслова. Именно ей предстояло вести курсы, и она тоже не была фанатом ранних побудок. Оказалось, что таких несчастных, как я, еще четверо, но группа все не набиралась и занятия не начинали, ждали критическую массу и нервничали, платить штраф не хотелось никому из новоиницированных.

Для инициированных обучение было обязательным и отец знал, что на летние курсы я побегу в припрыжку, если альтернативой станет три новых года в Академии. Причиной этому была магическая катастрофа. После частичного слия-

ния с другой реальностью, когда в наш мир попали темные феи, течение магических потоков в Нодлуте исказилось. Это ударило в первую очередь по ведьмам. Ведьмы черпают силу извне и пропускают ее сквозь себя, не преобразуя, как это делают маги, а только направляя, потому что куда ближе к природе, чем те же феи. И если раньше основам владения силой их обучали исключительно дома, то после участвовавших смертельных исходов, в том числе и на инициации, был принят закон о регистрации и контроле над обучением.

Во время самого инцидента в Иль-Леве я была слишком мала. Запомнила только, как мы спешно покидали поместье Ливиу, а воздух над озером Бездань дрожал и наливался чернотой. Меня оставили в Нодлуте под присмотром бабушки, которую я увидела тогда впервые в жизни и жутко ее боялась, потому что она страшно кричала на отца, бросающего меня и возвращающегося обратно.

Там спешно разворачивали магический барьер, чтобы оградить от начавшихся искажений остальную территорию. Наш старый дом был недалеко от эпицентра и его зацепило во время самого слияния. Из другой реальности к нам попала часть города с населением, а кусок нашего мира переместился туда. Я мало что понимаю в теормаге и вряд ли внятно изложу физику произошедшего, но на месте обмена кусками реальностей создалось некое напряжение сил, которое могло разрушить наш мир или изменить его как-то не так. Была разработана система гашения, сложная настолько, что

ее удерживали одновременно тридцать девять магов. Их отбирали по принципу резонатора, чтобы каждый из стоящих в круге усиливал другого. Они учили все, кроме отката. Никто не выжил. Перемычка между реальностями была рассечена, разлом закрыт, земля более чем на двадцать километров вокруг превратилась в Бездную пустошь с испарившимся озером в центре. У Ливиу не стало родовых земель.

Часть дома, уцелевшего после катастрофы, перевезли в Нодлут с большим скандалом. Папа рассказывал, что навоевался с чиновниками и безопасниками, но ему разрешили, из-за мамы, что была среди тридцати девяти из круга, и из-за него самого, работавшего там.

Все это случилось не в один момент или день. С первых признаков катастрофы и до ее завершения прошло больше трех лет. Потому уцелели мамины полевые дневники и многочисленные памятные мелочи, вроде папиной коллекции спортивных трофеев, семейных портретов и магфото. Я провела это время в Нодлуте с бабушкой. Она не слишком мною интересовалась, просто следила, чтобы я вовремя ела и ходила в чистой одежде. А когда вернулся отец, собрала вещи и уехала. Правда, перед этим они полночи орали. Лукрецию было слышно лучше, папа тогда говорил плохо, а выглядел еще хуже. Глаз так ему и не восстановили полностью.

Я узнавала обо всем из книг и папиных оговорок, потом нашла мамины дневники. Это их хотел изучить Стефен. Там и правда было много всего о слиянии, но я, как уже говори-

ла, в теормаге, как орк в консерватории, послушаю, полюбуюсь, но вряд ли пойму. От мамы у меня еще остался камешек, он был у нее в руке, так папа сказал, когда оправил его в серебро. В детстве мне нравилось думать, что он – из другой реальности, но... просто обычный просто серый просто камень, который случайно оказался в руке умершего от отката темного мага или некроманта, кому как больше нравится.

Можете считать меня упрямой и глупой, но я пошла на некромантию именно поэтому и именно поэтому мы с отцом поссорились тогда. Теперь все, вроде, нормально, главное, чтоб он не вспомнил о своей давней угрозе выдать меня замуж за первого встречного, или за второго, если первый не понравится, сразу же, как я взвою и попрошусь на другой факультет или помощи от него, или завалю экзамены и меня отчислят, или... Ну, вы поняли.

Глава 3

От Академии до дома было не так уж далеко, погода вполне радовала: солнечно, не жарко, если куртку снять. Организм против прогулки не возражал, и мы отправились. Куртка не желала складываться и повисать на перекинутой через плечо сумочке, пока я не вспомнила про лежащий в кармане жезл, который несомненно мешал процессу. Пришлось извлекать. Зацепившись там за что-то, палка упиралась, в итоге, после рывка, мою руку повело в сторону.

Зажужжало, крикнуло и осыпалось. Переднее стекло магмобиля, хоть и выполняло, скорее, декоративную функцию, чем полезную, было необычайно дорого его владельцу. А вы знали, что эльфы даже ругаются изысканно и утонченно? Ну, теперь знаете. А мне было не до восхищения – я испортила мобиль комиссару Эфарелю.

– Мисс Ливиу, добрый день. – Если он и был не рад встрече, то тщательно это скрывал. – Как первый день? Вернее, ночь. Мастер Холин не слишком...

– Нет, нормально. Извините. За машину. Я случайно.

– Пустяки, душечка. Вы к нам?

Я задумалась. Прямых указаний от Холина не было, но середина недели сама по себе не предполагала выходных. Интересно, а некромант каждую ночь дежурит или ему все же позволяют отдохнуть? От размышлений отвлекло прикосно-

вание к руке, в которой я сжимала злосчастный жезл. Эфарель подкрался на недопустимо близкое расстояние и, касаясь меня бедром, удержал мою руку в своей, скользнул пальцами по запястью и кисти.

– Позвольте?

Когда на тебя смотрят дивными глазами отказать невозможно, и я покорно разжала пальцы.

Эльф, удерживая “волшебную палочку” в одной руке, пробежался кончиками пальцев по жезлу, дотронулся до кончика, сжал его и чуть повернул. И при этом так на меня смотрел, что я от смущения поджала пальчики на ногах. По палочке пробежали искорки и осыпались.

– Фокусировка сбилась, – почти шепотом произнес он и вложил жезл обратно мне в руку. – Подвезти?

– Я... лучше прогуляюсь, спасибо.

– Всего доброго, – сказал он, поклон отвесил и к ручке приложился, на этот раз, коснувшись кожи губами. Руку словно обожгло.

Я разорвала контакт, поспешно попрощалась и отбежала подальше. Что вообще происходит. Сначала Геттар глазки строит и голос распускает, теперь вот Эфарель. Когда это я стала такой неотразимой?

Наткнувшись на очередной восхищенный взгляд, я запрыгнула в остановившийся у тротуара городской магбус, двигавшийся в нужную мне сторону. Сойти пришлось на следующей же остановке – мне наперебой уступали место

пожилой гном с авоськой, гламурный сирен с макияжем и орчанка в форме охраны банка, хотя свободных сидений и так было завались.

Добравшись домой, я с порога попросила у выглянувшей на шум Годицы чаю из синей банки, и спустя десять минут получила желаемое и пухлый пакет.

– Посыльный принес, когда вы уже умчались.

Сегодня прямо день посланий. В пергаментном конверте лежала толстая линованная тетрадь-ежедневник, два скрепленных зажимом листка, исписанных убористым почерком, и записка. От Холина. Мне вменялось переписать в дневник по практике (он же тетрадь) то, что на листиках, строго и без отсебятины, а также выучить оное на память и, если вдруг кто спрашивать про подземелье станет, только выученным и отвечать. А явится инквизитор – изображать непонятливость и, цитирую: “вам это труда не составит”, и посылать в отделение. Сразу же захотелось послать туда же и дальше автора письма. Юморист. Ко всему меня настойчиво не желали видеть до завтрашнего утра. Оно и ладно, по лопате я не скучаю.

Делать было нечего, потому занялась переписыванием, как я и мастер-некромант скучно, рутинно и буднично прибыли на место по заявке, обнаружили на кладбище нежить, вызвали команду ловцов, дождались команду ловцов, которые обезвредили нежить, а мы проверили кладбище на “наличие отсутствия”, заперли охранный контур и все. Никаких

кладок, подземелий и прочих находок. Мило. Ведьминская натура требовала бежать и требовать правды, рассудительная темная половина радовалась спокойному вечеру.

Закончив с обязательным, развалилась на постели. В глазах немного рябило от мелких буковок, которыми великий и могучий Холин исписал бумагу. Под лопаткой загудело и запело про разных эльфов. Вельта. После убойной дозы успокоительного чая шевелиться было лень, но подруга была настырная, как все вампиры, и могла часами давить на кнопку вызова, если ей приспичит. Пришлось ответить.

– Восстань и иди! – утробно взвыл магфон.

– А смысл?

– Сакральный. Распродажа. Я в “Полисе” и мне нужны твои глаза.

– Отправлю курьером.

– Мика! Оставь хандру плакальщицам и тащи сюда свои кости. Такси у ворот.

Я посверлила глазами монитор с хитрым красноватым глазом на заставке Вельтиного звонка, вздохнула и полезла в шкаф. Желание там и остаться прогрессировало, но магфон снова пел об эльфах. Это была Вельтина страсть. Эльфы. Любое разумное существо мужского пола с примесью крови дивных приводило ее в волнение. А еще распродажи. И мне это сейчас предстоит огрести в полной мере.

Собиралась не глядя, по принципу, что первое под руку попало. Вышло немного эксцентрично, но под стать

внутреннему раздраю: ботинки, пышная цвета розовый вырвиглаз юбка до колен и корсет поверх рубашки. Волосы собрала в пучок на макушке, как бабуля (чур меня) носит, зафиксировав его длинной шпилькой.

Чур не помог. На капоте стоящего у ворот такси в полоборота ко мне сидела крупная светло-серая, как утренний туман, сова. Водитель игнорировал гостью с истинно тролльным пофигизмом. Более флегматичных товарищей, чем тролли, вы вряд ли найдете, хотя их страсть к внезапным едким шуткам уже стала нарицательной. Впрочем, его реакция на птицу стала понятной, когда моя рука прошла сквозь нее. Каюсь, я мало смыслю в орнитологии, примерно так же, как в теормаге, и сначала приняла ее за Лукрецию, но призрачная хищница моргнула, и желто-зеленые круглые глаза сделались ярко синими, облик поплыл.

– Едем, нне? – осведомился водитель.

Я отвлеклась на представителя зеленых, и птица пропала. Я так и не узнала, в кого она превратилась, и было чуточку жаль, на пыльном капоте магмобиля остались лишь смазанные отпечатки когтистых лапок.

– Едем, – сказала я, запихивая воланы в салон и испытывая сомнения в здравости рассудка, будучи при этом удивительно спокойной. Хороший чай.

“Полис” представлял собой обычный торговый центр с кафешками и киношками, и если вы были хоть в одном, значит и здесь не потеряетесь: три этажа, прозрачные кабины

подъемников, движущиеся лестницы, магазины и настырные зазывалки. Чтобы рекламороки не лезли в глаза, нужно было раскошелиться на розовые очки. Я выбрала круглые. Теперь все было словно полито тонкой пленкой сиропа, выглядело ярче и привлекательнее, но перед глазами не мельтешили крылышками средства гигиены, и томноглазые юноши не зазывали испробовать вкус страсти, протягивая конфеты. Да и к выбранной одежде очки-фильтры неожиданно подходили. Видимо, водитель такси отчитался о моей доставке, так как на магфон от Вельты пришла картинка с указанием места назначения (магазин белья на втором этаже) и угрозой надкусить, если не потороплюсь.

У входа на меня среагировал магскан. Пришлось обстоятельно обнажить душу перед кокетливо улыбающимся охранником, выложив содержимое сумочки. В ходе разбирательств, помимо обычных конфет-помад, обнаружился давно утерянный пропуск в библиотеку Академии, амулет от случайной беременности (папа!) и сложенный вчетверо листок золотистой бумаги.

Вельта, высунувшись из примерочной, обещала глазами страшное и стучала по голове пальцем, пока я не догадалась потянуться туда же рукой – во время сборов я впопыхах заколола волосы не шпилькой, а своей “волшебной палочкой”. Инцидент был исчерпан, меня впустили. Сгребая добро, заглянула в обнаружившееся послание: “Кафе “Ам-Оре”, “Полис”, семь вечера, буду ждать”. Дивно. Знать бы еще, кто.

Глава 4

Кожа Вельты была алебастрово-белой, кружевной комплект из бюстье и шортиков ослепительно-красным, а моя зависть – по канону. Сидела эта красота на ней идеально, впрочем, было на чем. Это не мои заурядные прелести. Не то, чтобы ничего выдающегося, выдавалось в нужных местах и без излишеств, но я рядом с Вельтой смотрелась той самой просто симпатичной подругой, на фоне которой хорошо блистать.

Вампирка подцепила бирочку ценника и чуточку вздохнула. Я даже смотреть не стала, подозревая, что цена астрономическая. Охранник и магскан на входе сами себя не окупят, зато клиенты расстаются с монетками, чувствуя себя в безопасности.

– Что за тяга к транжирству посреди недели? Празднуешь?

– Разве что побег. Самовольно покинула внезапнообеденные смотрины и скрываюсь.

– Это, – я кивнула на белье, – надо полагать, камуфляж?

– Не язви. Мама привела очередного претендента на руку и сердце, но у него один существенный недостаток

– Не эльф, – заключила я.

– Точно. Братъ?

– Жениха?

– Белье!

– Бери, а чек для оплаты пусть жениху пришлют, – предложила я.

– Тогда придется показывать товар лицу, а я это лицо даже в лицо не видела.

– Залетный?

– Нет, наш, нодлутский, – Вельта, глядя на себя в зеркало, в очередной раз вздохнула и полезла за магфоном.

– Брр, близкородственные связи... У вас такое практикуют?

– Такое нигде не практикуют, это отвратительно, а ты неуч. То, что мы в одном клане, не значит, что все друг другу родственники. – Подруга активировала приложение для оплаты и повозила ценником по экрану магфона, из которого тут же раздался звук сливающейся в унитаз воды, а из зала – радостный вопль продавца.

– Спасибо за покупку! Вам нужна подарочная упаковка?

Я вышла из примерочной с выражением категоричного нет, а Вельта тем временем оделась.

– И что это у тебя? – спросила она, когда мы покинули магазин и бесцельно побрели вдоль витрин. Оказывается, я все еще вертела в руках таинственное послание.

– Кажется меня позвали отужинать, только я не знаю кто.

Глаза подруги с алчным любопытством впились в клочок бумаги в моих руках. Розовые стекла фильтров придавали ее взгляду мечтательности. Коктейль вышел убойный.

– Свидание вслепую! – радостно воскликнула она.

– Ну, не совсем. Есть два вероятных варианта и один невероятный.

– Кого предпочитаешь?

– Никого. У меня доп курсы, практика и папа. Кавалеры не влезут.

– Ну-ну, сказал ходячий ферромон.

– Что?

– Мика, ты сейчас как активный приворот, слегка прикрытый покрывальцем. Не знаю, что ты приняла, чтобы сгладить эффект, но когда оно перестанет действовать... Свидание когда? Я хочу это видеть!

Ой, не зря мне Холин пенял за отсутствие должной теоретической базы. Вместо того, чтобы по магазинам бегать, нужно было книжек умных посмотреть про побочные эффекты спонтанной инициации. Если это вот оно, надо срочно запастись папиным сбором от нервов или у Геттара амулет стрелкнуть. Какие уж тут свидания.

Мои решительные протесты были так же решительно отвергнуты. Голодная Вельта, сознательно лишившая себя обеда в кругу семьи, была намерена совместить хлебы и зрелища. За зрелища ответственной была я, хлебы в ожидании основного блюда спонсировала подруга. Пока мы ждали напитки, вампирка лестью и уговорами выпытала имена претендентов, у которых была возможность одарить меня вниманием и запиской.

– Геттар, Альвине, Эмильен, – Вельта смаковала имена, запивая впечатления. – Темнофейская община слишком закрытая, а вот с двумя другими можно работать.

– Работай, – великодушно позволила я.

– Эмильен, – выдала она.

– Думала, ты выберешь эльфа.

– Да нет же! Магистр Нику у стойки. Только вошел и глаз с тебя не сводит.

– Это был невероятный вариант, – произнесла я, заочно покрываясь мурашками и боясь обернуться.

– Теперь я срочно ухожу. Удачи. – И стремительно ретировалась.

Тоже мне подруга. А обещала наблюдать.

Как только место напротив опустело, ко мне подошли. “Не он”, – сделала выводы я, проанализировав приветствия, извинения и просьбу присесть. Нику интересовала не я, хотя он старательно отводил взгляд от подчеркнутой корсетом груди в кружевах рубашки. Попыталась незаметно потянуть одежду повыше.

Начал он издалека, испросив меня о начале практики и уверив, что мне несказанно повезло заполучить Холина в кураторы. Оказалось, что сей уникум временно и по дружбе замещает постоянного работника, а я случайно вытащила золотой билет. А так он обычно берет только частные заказы, редко и желательно подальше от Нодлута, потому что с семейством не в ладах.

– Кстати о родственниках, – наконец дозрел до сути Нику. – От одного из моих студентов мне стало известно о том, что в вашей семье сохранились рабочие журналы участников проекта “Разлом”

Стефен, трепло, отчаялся сам, подключил авторитет. Теперь ясно у кого он магистерскую пишет. Я, конечно, сама хороша была, разболтала этому гаду о маминых тетрадках в пору наших с ним тесных отношений.

– Сохранились. Хедвига Нери-Ливиу моя мать, но вы и так это знаете.

Эмильен прикрыл свои невозможные глаза, соглашаясь. Ему принесли кофе. А у меня появился шанс сбежать. Магистр оказался быстрее, чем я думала – его пальцы сомкнулись на запястье. Ладони соприкасались слишком тесно и провокационно, чтобы это было случайностью.

– Митика, могу я спросить вас...

– Лучше переговорите с отцом, это будет более конструктивно. У меня больше нет открытого доступа в семейный архив.

– Я и не собирался просить вас об этом, мне просто нужно было подтвердить сведения.

– О чем же вы хотели спросить? – Он щиты убрал? Или это прикосновение так работает? Меня начинало потряхивать от исходящей от темного мага энергии, но едва я дозрела, чтобы грубо выдернуть руку, он сам разжал пальцы.

– Благотворительный бал в магистрате. Вы будете?

– Да, с отцом.

– Что ж, всего доброго. И аккуратнее на улице. Вы так...
призывно звучите.

Ушла не прощаясь. Ну к демонам вежливость – судя по реакции магистра и всяких прочих встречаемых, чай больше не действовал.

Из “Полиса” я вылетала со скоростью гоночной ступы и препятствие в виде феесирена мне не иначе как само провидение послало.

– Геттар! – воскликнула я и не дав ему ни опомниться, ни поправить слетевший капюшон, потребовала: – Глушил-ку свою дай, быстро, я верну.

Не знаю, что на него так подействовало, мое “призывное звучание” или сумасшедшинка в глазах, но прошенное было дадено тут же и без вопросов. Теперь надо как-то домой добраться без приключений.

– Под ноги не забывай смотреть, – сказал парень, едва шевельнув губами, а меня накрыло волной удовольствия. Ого! Это вот так без амулета?

Из состояния восторженного столбняка меня выдернула Вельта. Зря я на нее плохо подумала, подруга дожидалась меня перед стоянкой магмобилям, но не успела она и рта раскрыть, как я шарахнулась в сторону, увлекая ее за собой за рекламную стойку.

– Где твой магмобиль?

– Практически позади тебя. Что за шпионские страсти?

– Геттара видела? – Вельта кивнула. – А теперь смотри вон туда. – Я ткнула пальцем в нужном направлении. – Красный феррату. Это третий вариант.

– Мало ли в городе феррату, даже и красных.

– Мало, но этот точно Эфареля.

Сомнения развеялись окончательно после явления из салона магмобиля дивного комиссара с букетом бежевых звездчатых астр. Вельтин восторг можно было руками потрогать, но она сдерживалась, чтобы не посягать на святое – возможного кавалера подруги.

– Будем брать? – плотоядно осведомилась она.

– Нет, – сказала я, отступила поглубже за стойку и даже спиной отвернулась, потому что Эфарель, элегантно склонившись, помогал выбраться из феррату стильной пожилой леди, Лукреции Ясне Ливиу, мое бабке.

Глава 5

– Мы ужинать идем или как? – Геттар оперся о стойку и смотрел поверх нее на нас с Вельтой. Рост ему позволял. Вампирша хихикала.

– Вот твой тайный поклонник.

– Угу, второй встречный, все как папа любит. Ты нормально пригласить не мог? Обязательно шарады устраивать?

– Вы же любите всякую романтическую чушь, – пожал плечами парень, стараясь говорить и смотреть в сторону, но на меня все равно немного действовало, – а я хотел за выпускной извиниться.

– Считай, что извинился. Держи, спасибо, уже не нужно, – я протянула ему одолженный амулет, выглянула, чтобы удостовериться, что бабуля в сопровождении Эфареля скрылась внутри здания и попросила Вельту меня отвезти.

Геттар протырился следом. Я промолчала. Машина-то не моя.

– У вас дыра в семейном бюджете? – поинтересовалась Вельта. – Что ты все время пешком?

– Я впала в немилость за своеволие и лишена собственного транспорта.

– А он у тебя был? – поучаствовал феесирен.

– Нет, но меня лишили даже возможности его иметь.

Вельта ухмыльнулась и куда-то надавила. Магмобиль

взмыл вверх, встраиваясь в воздушный транспортный поток. К горлу подкатило.

– З-зачем?

– Чтоб ты понимала, чего лишилась, и так – быстрее.

Так действительно оказалось быстрее. Спустя минут десять я вышла у дома, радуясь, что стою на твердом. Даже в ступе был не так некомфортно, как в магмобиле.

– Спасибо, рада была вас видеть, хорошо, что недолго, – попрощалась я и направилась к дому. На крыльцо поднялась уже уверенно, входила и вовсе бодро, а наткнувшись в холле на отца, поспешила сообщить новость. Он, впрочем, тоже.

– Она здесь! – выпалили мы одновременно, и замолчали, уступая друг другу право продолжить.

Папа явно не горел желанием общаться с бабулей и быстро нашел себе дела в министерстве, или соврал, что нашел после того, как я поделилась подробностями встречи с Лукрецией. Мне деваться было некуда, обратно Вельте звонить – засмеет, Геттар странный стал. Он и был то не совсем, а теперь вообще. Неужели это ведьминское очарование так действует? Вон даже Нику проняло, а он за столько лет в Академии уже иммунитет иметь должен, ну, или хотя бы, пару крепких амулетов от приворота. Была, конечно, дурная идея напроситься на дежурство в отделение и тем спастись от общества бабки, но кто меня там оставит, если Холина не будет. Да даже если и будет, сказал же – до утра не соваться. И потом, нужна я ему, как нагу ботинки. Он парня-стажера

ждал, а не такое счастье, как я. Пугал всячески и от себя и практики старательно отвращал. Это он с Лукрецией не знаком, знал бы, понял, что не тем пугает. Бабуля в редкие свои приезды и в приступе благодушия всячески из меня ведьму воспитывала, учила готовить бесполезное для принимающих прямо на кухне или подсовывала древние ведьминские книжки с иллюстрациями. И чем старше я становилась, тем большего внимания от нее удостоивалась.

Вспомнив о книгах, я нагло вошла в папин кабинет. Делала я это редко, но всякий раз удачно – наложенные конкретно на эту дверь охранные обереги меня всегда пропускали. Папа был в курсе, но запирался все равно, не иначе министерская привычка. Я почти уже погрузилась в чтение о себе подобных, как присутствие в доме чужой сильной ведьмы резануло по нервам. Тьма и мрак! К демонам запреты!

Резво сменила юбку на бриджи, подхватила куртку и пояс и едва не кубарем скатилась по лестнице.

– Детка! – воскликнула эта невозможная женщина, успешная ловко перегородить выход своим чемоданом. – А я к тебе.

Акулы улыбаются милее, чем мадам Ливиу, но мне уже было все равно на хищное радушие. Перепрыгнув чемодан (и не такие высоты брали) с воплем: “Привет, ба! Я на практику!” вымелась за порог. Вот тут я пожалела об отсутствии магмобиля, но вставшая в проеме Лукреция, которую я практически спиной видела, придала ногам необычайной

резвости.

Похрустев гравием на подъездной дорожке, я просочилась в калитку у ворот, наискось пробежала скверик и оказалась на проспекте. Мобилей было не очень много, все-таки у нас тут, по эту сторону проспекта, в основном частные дома старых магических семей. Ага, то, что надо! До остановки общественного транспорта я домчалась, и успела шмыгнуть в последнюю дверь перед тем, как магбус отчалил. А когда головы немногочисленных пассажиров противоположного пола как по команде развернулись ко мне, сияя улыбками разной степени ослепительности, я поняла, что забыла о важном.

Забилась в уголок. Слева окно, сзади стенка, справа монументального вида степенная гномка с авоськой овощей и торчащими из них синими гусиными лапами. Сидящий впереди мелкий клерк тут же забухтел о высоком, обдавая меня, а заодно и мою соседку непередаваемым ароматом браги. Гномка нахмурилась, темные усики над верхней губой агрессивно встопрощились. Романтично настроенный товарищ сник и отвернулся, но даже затылком умудрялся источать интерес. Я тем временем копошилась в своих карманах: зелье концентрации внимания, пятновыводитель, разряженное самопишущее перо, блокнот, знак Академии с гербом факультета и моим номером, две печати упокоения и одна поднятия на глиняных основаниях, амулет от отравления, 23 чара мелкими монетами и сушеная куриная лапа в бусин-

ках и цветных нитках с наговором на женихов. Опять Годица шаманит. Сунула самоделку в карман куртки, где должен был быть жезл, который так и торчал у меня в волосах. Обнаружила еще агатовый браслет-накопитель и пузырек с “радужным сном”, зельем для медитаций. Явно просроченным, потому как медитации у нас еще на третьем курсе закончились. Открыла и принялась. Ну, при некоторых допущениях может сойти за успокоительное, а если что – у меня амулет от отравлений есть. Глотнула. Глаза съехались в кучу, разбежались...

Проверить, сработало ли, можно было только опытным путем, но судя по тому, что долговязый полуфей у выхода теперь тарашился в магфон, а не на меня, начало отпускать. Зато голова моя казалась мне большой и мягкой, как воздушный шар, наполненный ватой.

Из магбуса я вышла умиротворенная и в полной гармонии с собой. Вечер был чуден и прекрасен, прохожие милы и очаровательны, здание отделения магнадзора, к которому я подходила, казалось островком порядка и размеренности, а стоящий на крыльце хоббит с трубкой во рту – надежным и уверенным.

– Добрый вечер, дежурный Подхолмс, – радостно поприветствовала я надзоровца.

– Гарпия! Каким ветром? – удивился он. – Мастера твоего нет и до завтра не будет. Что тебе здесь делать?

– А посидеть можно?

Подхлэмс моргнул, его глаза на мгновение сделались мечтательно-туманными, и он пропустил меня внутрь и даже камеру некромантскую открыл.

С моего последнего визита сюда не изменилось ровным счетом ничего. Рухнувший стеллаж так и лежал. Правда, часть папок и книг перекочевала на стол и подоконник. Полумертвый цветок продолжал вопиять о воде. Я сжалась и щедро полила его из чашки с недопитым чаем со стола Холина. Беспорядок нарушал чувство гармонии внутри, и я принялась разбирать завалы. Меня никто не отвлекал довольно долго, а ближе к полуночи в дверь поскребся Пышко и позвал чаю попить.

Я между делом разжила у хоббита слабеньким аналогом блокирующего амулета, и мы расположились за столом дежурного. Зарешеченное место временного заключения, в котором мне как-то довелось ночевать, пустовало, да и вообще вокруг было чересчур благостно. Пахло чаем и сдобой, где-то за стенкой переговаривались патрульные, в приоткрытое окно стрекотали сверчки, изредка, гудя, проносился магмобиль.

– А у вас часто так спокойно? – поинтересовалась я.

Пышко поперхнулся, выпучил глаза и отчаянно замахал на меня руками. Откашлявшись, он забормотал заговор от сглаза, щедро посыпал солью магфон-селектор, метнулся с солонкой к турникету для посетителей, но не успел. Обе двери, обычная с улицы и служебная со двора распахнулись, од-

новременно с этим задребезжала, подпрыгивая, трубка магфона. Лицо посмотревшего на меня Подхолмса обещало все кары небесные как при жизни, так и после оной.

Со двора разом и целиком ввалилась орущая и воющая толпа *цыкан* с кошками, гармошкой и самоваром, источающим убойный запах коньячной настойки. Двое патрульных, держащих каждый по представителю сего кочевого троллье-го клана, несмотря на превосходство в росте терялись в толчею.

Пышко, успевший вернуться к своему месту, уже сорвал с магфона трубку и, прижав ее плечом к уху, что-то писал в журнал заявок, а свободной рукой показывал патрульным на место временного заключения нарушителей порядка. Цыканки в пестрых юбках атаковали Подхолмса вопросами и висели, стеная и причитая, на только что вошедшем патрульном, присевший в уголке тролль с одухотворенным видом припал к носику самовара и дегустировал содержимое, причмокивая и цокая от удовольствия. Один наглomorдый пестрый кошка уже что-то жрал со стола, другой яростно драл угол скамьи для ожидающих.

За турникетом стоял пожилой мужчина в пижаме и одном тапочке с ребенком на руках и выражением запредельного ужаса в глазах. Полосатый рукав был разодран и в крови, на рубашке ребенка четко отпечаталась пятипалая ладонь с нечеловечески вытянутыми фалангами.

Глава 6

Меня пронзило от макушки до пяток, и ор и гам отодвинулся на задний план. Я поднялась. От стоящих за перегородкой остро разило смертью. Не той, что дышит курильницами, горьковатыми белыми лилиями, свежим деревом и печалью, а той, что пахнет сырой землей, волглым камнем, гнилью и кислым страхом, темным и вязким...

Свое первое поднятие и упокоение я проводила на втором курсе под присмотром пожилого магистра Ставера Руби, который вел у нас практику по некромантическим ритуалам. Он снисходительно стерпел мою напускную браваду и циничные шуточки, а потом откинул простыню с лежащего на столе тела юноши лет двадцати. Бледная кожа и вздувшиеся на руках и ногах синеватые вены, одно плечо выше другого... Я чертила фигуры, тщательно вымеряя углы, и наносила на грудь, лоб, тыльную сторону кистей и ступни “материала” опорные знаки поднятия. Я все сделала правильно. Он восстал: открылись блеклые глаза, спазматически дернулась грудь, пришла в движение, словно это тело еще помнило, как дышать, и продолжало качать воздух в легкие, перекатился острый кадык на шее. Сел, потому что я потянула за опоры и приказала, опустил ноги на пол, качнулся неуклюже. Можно заставить говорить – гортань и язык остались целы, но скажет он только то, что велят – слишком долго

мертв мозг. Мне нужно было всего лишь провести его вокруг стола и уложить обратно.

Мертвый шел внутри, вдоль линии вычерченного мной защитного контура, я – по внешней стороне. Его немного перекашивало, потому что я неровно держала нити, но в целом он двигался хорошо, почти естественно – мы не зря усиленно учили анатомию тела и биомеханику, чтобы знать, как двигаются мышцы и сухожилия. Оставалось только приказать ему вернуться обратно, оборвать подобие жизни и наложить печать покоя. Все изменилось в один момент. Внешне неуклюжее тело вдруг обрело гибкость и скорость несопоставимую с человеческой. Поднятый развернулся, его холодные руки коснулись моей шеи, и я почувствовала, как через него ко мне тянется что-то *оттуда*. Тянется, чтобы отнять тепло. За эти несколько секунд, пока выцветшие зрачки смотрели в мои глаза, я успела упустить заклинание и в панике забыть все, чему нас учили.

Дальше он не двинулся – магистр Руби играючи перехватил нити и уверенно держал мертвого, как хозяин держит на сворке злобного дворового пса. Он дал мне вдоволь прочувствовать, каково это – быть жертвой подобной твари. Стоит ли говорить, что занятие мне не засчитали? Я провалила его еще в самом начале, когда, нарисовав защитный контур, забыла его активировать. А сейчас страх, подобный моему тогдашнему, только умноженный десятикратно, владел человеком, стоящим по ту сторону турникета.

Мужчина не мог говорить. Пережитое стояло комом у него в горле, но мне надо было, чтобы он заговорил. Кто-то из них. Иначе могло стать поздно.

Я прошла за стойку, поймала взгляд и позвала его идти следом, вкладывая в слова повеление, которым пользовались создатели конструкторов. Это было на грани этики. Даже одной ногой за. Но мужчина сейчас был больше похож на голема, чем на живого. Послушался. Пошел. Я направляла его. Тапок соскользнул с грязной ноги и остался лежать у турникета.

Когда мы проходили мимо стола дежурного, Подхолмс вытащил свой магфон и в одно нажатие отправил вызов, затем дернул патрульного и тоже куда-то ускакал. След от пятерни на одежде ребенка он тоже хорошо рассмотрел.

Я усадила мужчину. Он так и не выпустил из рук родное, и вряд ли выпустит в ближайшее время, но мне было нужно не это. Цинично сделала несколько снимков разодранного рукава и отпечатка пятерни. Внутри все еще плавало отстраненное спокойствие.

Вернулась к Пышко за чашкой. В моей еще оставался чай и по возвращении я вылила остатки “радужного сна” туда и так же, как заставляла идти, заставила выпить. Руки обмякли. Ребенок сполз на колени, повернулся ко мне лицом – мальчик, лет двенадцати, человек.

– Давно вы живете в Нодлуте, уважаемый? – я спрашивала у мужчины, а ответил ребенок. Дети куда крепче взрослых,

если дело касается мертвых.

– Давно, – вздохнул, взял руку мужчины, уложил к себе на колени и принялся гладить, успокаивая. – И дедушка тут жил. И две... собаки.

– Ты один в семье?

– Были еще Толье и Димита, и мама, а теперь не знаю.

– Где вы живете?

– От угла Звонца и Старой, по 2-му переулку дом 42, он последний, дальше там парк дикий и пруд, а за ним дыра в земле. Провалилась на той неделе. Толье с друзьями туда лазал и нашел вот. – Разжался стиснутый кулачок, на влажной ладонке лежал овальный медальон из белого золота с изумрудной крошкой по левому краю и эльфийским символом “фалма”.

Протянула руку над украшением, детская аура, отмеченная страхом, уже изрядно исказила эхо хозяина, но, видно, украшение было из тех, что носят под одеждой, не снимая. Меня повело и сделалось дурно, слишком много боли, слишком много отчаяния, душу держали силой, пока не выжали до капли весь свет. Почти не глядя пошарила на столе Холина и придвинула мальчику бумагу и карандаш.

– Рисуй, как дыру найти.

Поднял глаза и вздрогнул. Что не так? На стол капнуло красным. Тьма... Вытащила платок, смочила пятновыводителем и тщательно протерла столешницу. Кровь остановилась сама довольно быстро. Еще платок – вытереть лицо. Об-

работанные составом клочки материи вспыхнули бесцветным и рассыпались невесомым черным пеплом над стоящей у стола урной. Пальцы немного свело – знак создавался под более гибкие суставы, чем могут похвастать люди. А пятновыводитель не имеет никакого отношения к стирке, на самом деле это аналог нейтрализатора. Он напрочь удаляет следы несущих информацию жидкостей, ведь первое, чему учат некромантов-практиков – подобных следов не оставлять. Особенно там, где придется работать по специальности.

Едкий алхимический запах ввинтился в ноздри, и в голове прояснилось окончательно. Ребенок, нарисовавший на листе кривоватую схему, бесцельно возил карандашом в свободном углу листа. Его отец, казалось, спал с открытыми глазами.

– Он из той дыры пришел и собак с собой привел, за сокровищем своим, наверное, – тихонько сказал мальчик.

– Кто пришел?

– Упырь, – еще тише сказал он, прижался к мужчине спрятав лицо у него на груди, и я поняла, что это все, поэтому сдернула с вешалки форменный балахон, взяла с пола в углу рюкзак, уверенная что “набор маньяка”, так прозвали в Академии необходимый для работы минимум, там присутствует, забрала со стола рисунок и вышла.

– Так, это... – протянул Подхолмс, успевший избавиться от троллей, – Холина в городе нет, но я ему набрал. Из 1-

го Восточного не отвечают, но из Южного едет мастер Став. Будет минут через двадцать.

– Пусть едет прямо сюда, – я оставила рисунок на столе, назвала адрес и натянула балахон поверх своей одежды – пусть он и выглядел старым и потрепанным – вплетенная в нити основы охранный магический узор был дополнительной защитой. – Мобиль можно взять?

– Во дворе. Толщи поведет, он уже там. И не смей лезть, пока Став не приедет. – Хоббит выдал ключи, древний неубиваемый магический узор и знак надзора с пересекающей кругляш желтой полосой – стажерский. Явно не для меня предназначался. Я потянулась взять и зацепилась глазами за край листка, где мальчик возил карандашом. С хаотичного на первый взгляд нагромождения черточек на меня смотрели вполне узнаваемого абриса глаза с тремя точками на зрачке.

– Пышко, ловцов вызывай, кажется, там темные гонимые. Как минимум две.

Пока Подхолмс подбирал челюсть, я вышла в служебную дверь. Состояние необычайной ясности и равновесия и некоего ощущения нереальности, подаренного половиной флакона “радужного сна” все еще держалось внутри, не давая позорной панике перехватить бразды управления. Только бы успеть до того, как действие зелья закончится, иначе демона лысого я вспомню хоть что-нибудь из заученного.

Глава 7

– ...почему верхи не хотят! – оглушило меня, когда я села в магмобиль. Толци, один из патрульных, которые привели нашкодивших цыкан, смотрел ролик в магнете.

– Сегодня вечером эльфийская община Нодлута официально заявила о пропаже пяти своих соклановцев, – напряженно-тревожным голосом вещал гаджет. – Власти молчат! Управление Магического Надзора игнорирует наши запросы! Его Святейшество...

Толци шустро убрал магфон и мы выехали. Ощущение нереальности происходящего не отпускало. На задворках сознания пробила несмело очень разумная мысль о том, что я сейчас совершаю inferнальную глупость и лезу мраку в... бездну.

Было очень темно. У нас вообще рано темнеет, это после Иль-Леве так стало. Вот вроде еще вполне светлые сумерки и вдруг, хлоп, уже темно. После Иль-Леве вообще много чего стало не так. В Академии до этого даже факультета некромантии не было, только отделение на факультете природной магии и несколько специализированных закрытых училищ на все королевство, а высшие – только у соседей.

А еще меня внутри словно потряхивало, мелко и мерзко. Это уже “радужный сон” выходит? Вот тьма... И добавки нет. Мобиль вот тоже трясет.

Приехали.

Дом, о котором говорил мальчик, находился впритык к заброшенному парку и стоял от остальных довольно далеко, причем ближайшее строение пустовало и, явно, давно. Так себе район. Освещалась вся эта красота сами понимаете как – дозревающая луна, которая вот-вот на убыль пойдет, и тусклый фонарь в начале улицы.

Мочаливый Толци, оказавшийся выше меня на целую голову, выбил сообщение на служебном средстве связи, перевел браслет щита в активный режим, дубинку-глушилку перехватил и вопросительно глянул на меня.

Примитивную поисковую сеть на отклик “живое-мертвое” я смогла запустить раза с третьего и то пришлось на дороге якорь чертить. Кажется, активировавшаяся во мне ведьма глушила темного мага. Лезть в тонущий во мраке двор с потенциально агрессивными тварями при таком раскладе – чистое самоубийство. А мертвые там были. Четверо. Только мне не понять кто. Семья мальчика плюс “упырь”? Три твари и один из людей, а остальные сбежали? В ушах на грани слышимости звенело. Не об этом ли Геттар говорил применительно к амулету, которым харизму прячет?

Так я думала, присев у распахнутой калитки и исследуя содержимое рюкзака. Первой мне попалась складная лопата. Хмыкнула, и посчитав это добрым знаком, принялась шуршать дальше. Создавалось ощущение, что снаряжение это не использовалось ни разу с момента получения. Доска для на-

чертания фигур с выемками под свечи была новехонькой, а сами свечи даже не распакованы. Зато кожаный пенал с зельями пришелся кстати и удачно прикрепился к моему собственному поясу.

Сеть продолжала работать и прикрывающий мой тыл Толци ощущался большим горячим камнем, от него хотелось отодвинуться. Сюда мы добирались минут десять, значит кто-то из старших и опытных должен быть на подходе, но улица оставалась пустой и безмолвной. Тут вообще живет кто? Или народ уже оперативно свалил? Патрульный тронул меня за плечо, ткнул пальцем позади себя и одними губами сказал: “Наши”. Но я уже и сама услышала. Либо еще патрульные, либо ловцы тихонько обходили дворами и закоулками, осторожно приближаясь к дому, а раз так, то можно и войти. И, кстати, лопата тоже удобно подцепилась на ремень, оставив мои руки свободными.

Шаг за калитку и снова воспоминания о первом поднятии, словно я сознательно пересекла охранный контур. Собственно, так и было. Кто бы ни ставил защиту на это место, а было это давненько, она все еще работала, пусть и искаженно. Контур пропускал опасное внутрь, а наружу уже нет. Так что все, что сюда вошло, тут же и осталось. Дно болота... Кажется, я влипла. Зато рунный щит встал сразу, пятая ближайшее ко мне окружение призрачно голубыми мазками. Не такой ровный и идеальный, какой был у Холина, но для меня сейчас и этот – достижение. Спасибо неотвратимо

встающим на дыбы нервам и зелью концентрации, которого я глотнула еще в магмобиле.

Поисковая сеть отвалилась резко, будто кто-то стер знак якорь, а я замерла одной ногой на дорожке, а другой на ступеньке крыльца. В распахнутую дверь мне хорошо была видна просторная общая комната, подсвеченная лунным светом, разрезанным на ленты решеткой окна. Прямо под ним, как под лучами софитов в темной луже лежало тело. Из-за границы освещенного пятна высунулась костлявая рука с длинными пальцами, обхватила тело за ногу и медленно потянула на себя...

...Статный плечистый парень был окружен веночком почитательниц, жадно внимающим речам бывшего ловца, которого неутомимый в общественной деятельности магистр Йорд пригласил на открытый семинар по нежитиеведению. Семинар закончился, а гостей растащили по углам поклонники и поклонницы. Я наблюдала со стороны, как тающий от внимания защитник гражданского спокойствия распускал хвост и язык.

– Тварь лучше всего валить, когда она кого-то жрет, – вещал герой и сурово и возвышенно улыбался. – Главное, что б не тебя...

– Главное, что не меня, – пробормотала я и на выдохе ша-рахнула в скрывающуюся в тени твари “битой” и подчинением. “Бита” – для упыря, чтоб оглушить, подчинение – для немертвого, чтоб не смел рыпнуться без приказа. Я по-преж-

нему не знала, кто прятался в тени, потому и...

Резерв разом опустел на треть, а из тени боком на полусогнутых, но постепенно выпрямляясь и потряхивая приложенной “битой” остроухой башкой с остатками длинных волос ко мне вышел восставший. На бледной коже черными пропалинами зияли вырезанные когда-то знаки Изначальной Речи, а на лбу четко проступал “эста” – первый или начало. Но это все детали, суть в том, что брошенное мною подчинение было рассчитано на немертвого, вставшего от эха силы, а не на того, кого подняли ритуалом. Нить заклинания связала нас, но я не была тем, кто отдает приоритетные приказы. Это, как если бы вы, заметив рядом с домом метущего улицу зомби-уборщика, с помощью подчинения приказали ему за одно прибраться на дорожке у своего дома. Он то, может, и послушается, только никто не угадает, когда, как и в какую сторону ему управляющую схему перекосит.

Лучшим выходом сейчас было свернуть разведку боем и драпать за ограду. Я, не выпуская мертвого из поля зрения и держа наготове “тлен” (однозначно не прикончу, но хоть задержу) попятилась. Удерживаемое на грани активации заклинание тянуло силы. Щит мигнул и пошел волной, звон в ушах усилился, а сзади навалилась тьма.

Глава 8

– Стоять, руки-крюки! – угрожающе-ласково сказала тьма, обдав меня запахом цитрусового ликера, наклонилась ближе к уху и, почти касаясь его губами, добавила: – “Тлен” убрала... Щит. Спокооооино... Теперь подчинение... Петли подбери... Пальцы шире! – Почти шипит. – Какой косорукий орк тебе жесты ставил. Да не дергай!

Я едва не упустила нить, тварь подалась вперед, обнажая измененные трансформацией не-жизни резцы, но вытянувшаяся поверх моей рука с двумя темными перстнями ловко поддела провисшую петлю и набросила на подрагивающий от напряжения оттопыренный вправо мизинец. Большой и указательный смотрели в противоположную сторону, безымянный и средний касались центра ладони подушечками. Рука поднырнула снизу, чуть подтолкнула мой локоть вверх и пальцы перестали дрожать.

– Так-то лучше, – муркнула тьма. – Теперь вывод.

Ладонь была уже под моей и качнулась вовнутрь и влево, задавая направление движения, но не касаясь.

– Не дрожи, не бросится. – И шепотом в волосы. – Я держу.

Я вывернула кисть и сомкнула мизинец с большим.

– Центральную на себя, теперь замыкай...

Мой локоть уперся в его, нило запястье и в ушах все еще

звенело. В ухе. В одном. В другое продолжала урчать тьма.

– Теперь по стяжке до управляющей схемы. Узлы видишь?

Я неуверенно кивнула и нервно облизала губы, во рту пересохло и было как-то...

– Не отвлекайся. Схема. Узлы. Видишь?

– Угу, – сдавленно отозвалась я, таращась на мертвого, который застыл, не шевелясь, распяленный на темных лентах чужой силы, что просто удерживала его на месте.

– Твое подчинение очень удачно легло на нижний треугольник. Из рогатки стреляла когда-нибудь?

– Что? Да. Зачем?

– За... Тлен и пепел... Что за дрянь на тебе?

Вторая рука ловко скользнула в вырез рубашки, прохладные пальца прошлись по коже, сомкнулись вокруг экранирующего амулета. Рывок и я словно вдохнула свежего воздуха. И звенеть перестало, и стало так... и...

– Хорошо, – довольно муркнула тьма. – Давай пульсар. Маленький и плотный. Как горошинка. В основание нитей.

Да легко! Это теперь-то, когда ничего не мешает! Да я сейчас...

Трепещущий в моей левой руке сгусток энергии, голубой с зеленоватыми прожилками, лег поверх стяжки, которую я держала правой.

– А теперь, как из рогатки, по управляющей схеме. Давай. – Губы все-таки коснулись горящего уха, я вздрогнула,

покрылась пупырышками от макушки до пяток и жажнула со все дури.

Узлы схемы, которую я видела *другим* зрением, получив критический заряд, вспыхнули гирляндой и рассыпались, а три моих управляющих нити вплавились в корявую ауру мертвого. Он прилег на пол и свернулся в позу зародыша. Темные ленты опали и потянулись к хозяину.

– Все, – снова заурчала тьма, – он твой.

– Холин! – раздался сзади нетерпеливый хрипловатый голос. – Может хватит уже с ней обжиматься и дашь мне сделать свою работу? От ваших игр сейчас не только это заново встанет. – С нескольких сторон послышались сдавленные смешки и один знакомый ржач. – А еще и то, что он надкусил.

– Став, – тьма отодвинулась, выпуская меня и стало вдруг неуютно, – технически, вызов приняло 2-е Восточное, значит работа моя. И потом, ты мешаешь процессу обучения.

– Технически, это все же Южный участок, а не второй Восточный. Так что можешь возвращаться на то гульбище, с которого ты такой благостный явился, и стажерку свою с собой прихвати. Там и доучишь.

По углам снова ржали. Мастер-некромант Став, оказавшийся гномом (чудны дела твои Мироздание) взглянув, прошел мимо меня в дом, сразу же навесил светляков и деловито склонился над жертвой, полностью игнорируя мертвого. Я радовалась, что во дворе достаточно темно, чтобы окружаю-

щие, а было их как минимум команда ловцов, несколько патрульных и его самодовольство Холин, не могли разглядеть моих пылающих от смущения и стыда щек. Я все еще не могла заставить себя повернуться и посмотреть на последнего. А он подкрался и встал рядом. На нем был костюм и стильные туфли, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, галстук бабочка, мятой лентой свисал из-под воротника. Собранные в хвост волосы небрежно лежали на плече. Руки были сунуты в карманы, большие пальцы торчали наружу. Пижон.

Словно отозвавшись на мои мысли, Холин отвел взгляд от Става, за действиями которого наблюдал, чуть прищурившись, и посмотрел на меня.

– Самобичевание вещь полезная, но не обязательная, стажер Ливиу, – выдал он, качнувшись с мысков на пятки, словно ему под подошвами припекало, дернул щекой. – Что стоим? Поисковая сеть, только без кривых якорных знаков левой задней пяткой, и обход по периметру. И пободрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.